

26.8r

B19

17-B.

~~31 (09)~~

Г-18

~~4725~~

ВАСКО ДЕ ГАМА.

Государственный архив
Ленинград
1930

6
~~Бор~~

РФР. 2

306720
ст. ВЕДУГА-ГОР.

1928

ВАСКО ДЕ ГАМА,

или

ОТКРЫТИЕ МОРСКОГО ПУТИ ВЪ ИНДИЮ.

Составилъ Ив. М—въ.

р. ~~8869~~

С.-Петербургъ. — 1901 г.

1986

1999

МУК «ЦБС»

г. Вологда

БЫВШАЯ
ВОЛОГОДСКОГО

Центр писателя

В.И. Белова

* * *

Главнымъ пособіемъ при составленіи первой главы настоящей книжки и заключенія ея служило сочиненіе О. Пешеля «Исторія эпохи открытій»; глава вторая составляетъ изложеніе, съ значительными сокращеніями, поэмы Камоэнса «Лузіады» (по переводу А. Дмитріева, 1788 г).

8869

М. Д. БИБЛИОТЕКА

ОТД.

4-39-В

4. 40к + 35к

26, 87 - 8 Васко да Гама + 26, 89 (5 Инд.)

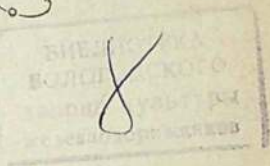
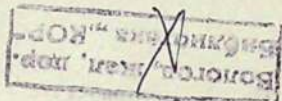
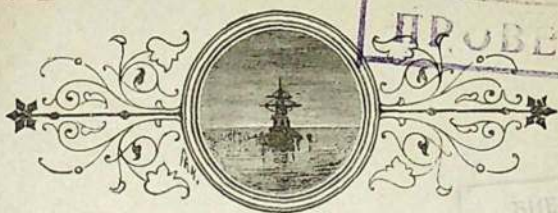
В19

Васко де Гама на пути въ Индію.

и

91 (09)

ВАСКО ДЕ ГАМА,

или

ОТКРЫТІЕ МОРСКОГО ПУТИ ВЪ ИНДІЮ.

I.

Вступленіе.—Событія, предшествовающія от-
крытію морского пути въ Индію.

Обширная поверхность земного шара представляет крайнее разнообразіе по климату, почвѣ и виду. Въ однѣхъ странахъ климатъ жаркій, въ другихъ—умѣренный, въ третьихъ—холодный; въ однѣхъ почва сырая, въ другихъ—сухая, да и сухая бываетъ разная: глинистая, черноземная, песчаная и т. д.; въ однѣхъ странахъ воздымаются высокія, часто съ покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ вершинами, горы, другія—представляютъ равнину. Сообразно этому, распредѣляются и природныя богатства: въ жаркомъ климатѣ произрастаютъ такія растенія и водятся

такія животныя, которыя въ другомъ климатѣ расти и водиться не могутъ; въ холодномъ климатѣ водятся немногія животныя, свойственныя этому климату, а растений почти и совсѣмъ нѣтъ; въ странахъ горныхъ добываются металлы, драгоцѣнные камни, каменный уголь и другіе минералы, которыхъ не имѣютъ страны равнинныя; страны, гдѣ много водной влаги, покрыты лѣсами; наоборотъ, тамъ, гдѣ воздухъ сухой и дожди идутъ не часто, — лѣсу мало, а растутъ только травы да кустарники.

При такомъ неравномѣрномъ распредѣленіи природныхъ богатствъ жители одной какой-нибудь страны, имѣя у себя въ избыткѣ произведенія одного какого-либо рода, чувствуютъ недостатокъ или же и совсѣмъ у себя не имѣютъ произведеній другого рода и вынуждены обращаться за ними къ жителямъ другихъ странъ, у которыхъ такихъ произведеній излишекъ, а сами, въ свою очередь, предлагаютъ излишекъ своихъ произведеній тѣмъ странамъ, которыя въ нихъ нуждаются.

Излишекъ какихъ бы то ни было произведеній внутри самой страны для нея бесполезенъ и не имѣетъ никакой цѣны; посредствомъ же торговли однихъ странъ съ другими происходитъ полезный обменъ излишковъ мѣстныхъ произведеній различныхъ странъ. Но, и помимо этого, внѣшняя торговля имѣетъ еще другое важное значеніе: съ товарами и ихъ

продавцами распространяются различныя знанія, искусства, творенія поэтовъ и другихъ писателей, нравы, обычаи и наконецъ религія. Особенно такое значеніе торговля имѣла въ прежнее время, когда искусство книгопечатанія не было еще извѣстно или же только что начинало развиваться; когда не было ни такихъ быстрыхъ путей передвиженія, какъ желѣзныя дороги, ни телеграфовъ, посредствомъ которыхъ теперь быстро сообщаются между собой образованныя страны.

Къ богатѣйшимъ странамъ всего міра, по своимъ природнымъ богатствамъ, принадлежитъ Индія.

Въ прежнее время подъ именемъ Индіи народы Европы разумѣли всю южную Азію, съ Китаемъ и Японіей включительно. Но сокровищницею драгоценныхъ камней, золота, слоновой кости и растительныхъ богатствъ считался и тогда тотъ глубоко вдающійся въ океанъ, въ видѣ большого треугольника, полуостровъ, который теперь называется Остъ-Индіей. На сѣверѣ этой страны возвышаются высочайшія въ мірѣ Гималайскія горы, съ вершинами, покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ. Эти горы отдѣляютъ Индію на сѣверѣ отъ остальной Азіи. На Гималайскихъ горахъ берутъ начало нѣсколько многоводныхъ рѣкъ Индіи; изъ нихъ самыя длинныя—на западѣ Индъ, принявшій въ себя нѣсколько большихъ и множество малыхъ рѣкъ и впадающій нѣсколькими рукавами въ Аравійское море; на востокѣ—Гангъ,

который считается у индусовъ священной рѣкою, и Брахмапутра,—обѣ онѣ впадаютъ въ бурный Бенгальскій заливъ. Довольно значительныя рѣки стекаютъ съ возвышенностей средней и южной Индіи, и однѣ изъ нихъ направляются на западъ, другія на востокъ. Благодаря такому множеству рѣкъ, обилію дождей и знойному климату, растительность Индіи поразительно роскошна и разнообразна. Въ долинахъ растутъ: сахарный тростникъ, чай, кофе, корица, перецъ, индиго, хлопчатникъ, твердое какъ желѣзо тиковое дерево, высокія, достигающія 80-ти футовъ, кокосовыя пальмы и пр. Такъ же разнообразенъ и животный міръ — непроходимыя лѣсныя чащи населены слонами, тиграми, носорогами, обезьянами, разными гадами и всевозможными птицами.

Индія съ древнихъ временъ привлекала къ себѣ вниманіе разныхъ народовъ,—она казалась имъ земнымъ раемъ и страну несмѣтныхъ богатствъ.

Дѣйствительно, богатства Индіи, заключающіяся въ дорогихъ растеніяхъ, драгоценныхъ камняхъ, шелкѣ, слоновой кости и великолѣпномъ жемчугѣ, которымъ изобилуетъ море у ея береговъ, очень велики; но фантазія народовъ сильно преувеличила эти богатства и надѣлила Индію такими сокровищами, которыхъ она въ дѣйствительности не имѣла. Такъ ее считали страню золота, тогда какъ золотомъ и вообще металлами индійскія горы не богаты,

и только одно желѣзо добывается здѣсь въ значительномъ количествѣ.

До открытія морского пути въ Индію торговля съ Европой велась при посредствѣ двухъ маленькихъ торговыхъ государствъ Европы—Венеціи и Генуи, куда индійскіе товары доставлялись аравійскими купцами. Сами индусы (коренные обитатели Индіи) не имѣли торговыхъ сношеній съ жителями другихъ странъ и не выѣзжали за предѣлы Индіи, а представляли торговлю своими произведеніями аравійскимъ купцамъ, которые издавна поселились на Малабарскомъ берегу Индіи и пріобрѣли тамъ большія права.

Индійскіе товары привозились въ Европу двумя путями. Изъ Каликута, важнѣйшаго торговаго города на Малабарскомъ берегу Индіи, корабли аравійскихъ купцовъ направлялись черезъ Аравійское море въ Персидскій заливъ; въ г. Ормузъ корабли разгружались, и отсюда товары отправлялись сухопутьемъ, черезъ Басру и Тавризъ, къ побережью Чернаго моря. Здѣсь генуэзцы скупали товаръ и отправляли его въ Западную Европу—это одинъ путь. Другой—былъ чрезъ Аравійское море по Черному до Египта. Венеціанцы пріѣзжали на своихъ корабляхъ въ Александрію—богатый торговый городъ Египта на Средиземномъ морѣ—и скупали индійскіе товары, переправленные туда съ берега Чернаго моря. Но

перевозъ товаровъ сухопутьемъ, чрезъ Басру и Тавризъ, былъ очень дорогъ, и этимъ путемъ перевозилась очень небольшая часть товаровъ. Съ другой стороны, и товары, привозившіеся чрезъ Александрію, страшно повышались въ цѣнѣ — во-первыхъ потому, что товаръ, прежде чѣмъ попасть въ Европу, долженъ былъ нѣсколько разъ перейти изъ однихъ рукъ въ другія, а во-вторыхъ потому, что египетскіе султаны облагали товары большими пошлинами.

Въ Западной Европѣ уже давно думали о томъ, что гораздо дешевле стоили бы индійскіе товары, если бы ихъ можно было получать изъ первыхъ рукъ, непосредственно изъ Индіи. Страны Западной Европы получали изъ Индіи пряности, ладанъ, москательный товаръ, дорогое дерево, благовонія, драгоценные камни и жемчугъ; жители же Индіи не имѣли сильной нужды въ произведеніяхъ европейскихъ странъ. За всѣ перечисленные дорогіе индійскіе товары западно-европейскія страны должны были платить много золота и серебра, большая часть которыхъ не возвращалась обратно, потому что, какъ было уже сказано, Индія мало нуждалась въ европейскихъ товарахъ. А добыча золота и серебра въ Европѣ въ XIV и XV столѣтіяхъ была меньше, чѣмъ требовала дорогая торговля съ Востокомъ, и драгоценные металлы быстро уплывали туда.

Такимъ образомъ открытіе морского пути на Вос-

токъ, для непосредственной съ нимъ торговли, стало для Западной Европы такою задачею, рѣшить которую было необходимо. И слава рѣшенія этой задачи принадлежитъ Португаліи, небольшому государству на Пиринейскомъ полуостровѣ. Но открытіе это совершилось не сразу,—португальцы лишь медленно, шагъ за шагомъ, подвигались къ этой цѣли.

Атлантическій океанъ до XIV столѣтія считался недоступнымъ для людей. Только въ XIV столѣтіи начались плаванія генуэзцевъ изъ Средиземнаго моря къ западнымъ берегамъ Европы съ торговыми цѣлями. Плаванія же по Атлантическому океану съ цѣлью изслѣдованій и открытій начались лишь тогда, когда ими занялись португальцы подъ руководствомъ принца Генриха. Этотъ принцъ получилъ прозваніе Мореплавателя, хотя самъ и не совершалъ плаваній, а лишь руководилъ ими.

Принцъ Генрихъ Мореплаватель (род. въ 1393 г.) былъ третій сынъ португальскаго короля Іоанна I-го. Принцъ не обладалъ красивою внѣшностью: его угловатое лицо, обросшее щетинистою бородою, не было привлекательно, а суровый взглядъ его глазъ даже запугивалъ съ перваго раза. Но всякій, кто нѣсколько ближе узнавалъ принца, не могъ не оцѣнить его высокихъ нравственныхъ качествъ. Онъ былъ начальникомъ рыцарскаго ордена Христа. Въ тѣ вѣка такіе ордена (т.-е. общества) рыцарей

имѣли цѣлью распространеніе христіанства и защиту христіанской церкви и учреждались въ разныхъ государствахъ Западной Европы; большинство этихъ орденовъ имѣли свои имущества, доходы съ которыхъ употреблялись по назначенію начальниковъ орденовъ. Богатые доходы ордена Христа принцъ Генрихъ употреблялъ на открытіе земель по западному побережью Африки — съ цѣлью распространенія тамъ христіанства.

Генрихъ жилъ въ своемъ дворцѣ «Сагресѣ», который онъ выстроилъ на берегу Альгарвіи, близъ мыса св. Винсета. Около принца собрались храбрые, любознательные люди, готовые служить ему своими знаніями, трудами и даже готовые пожертвовать своею жизнью для осуществленія его высокихъ замысловъ — сорвать завѣсу съ таинственной дали и насадить святую вѣру Христову въ открытыхъ странахъ.

Португальцы въ то время были плохіе, неопытные моряки. Генрихъ понималъ, конечно, что для открытія неизвѣстныхъ странъ нужны смѣлые, знающіе морское дѣло люди; съ этою цѣлью онъ и пригласилъ опытнаго капитана Якова съ острова Маіорки — учить португальскихъ моряковъ морскому дѣлу.

Ежегодно Генрихъ отправлялъ нѣсколько кораблей для открытія неизвѣстныхъ земель и для обслѣдованія уже открытыхъ. Его корабли отправлялись

изъ Сагреса и плыли вдоль западнаго берега Африки, не упуская изъ вида береговъ, до мыса Нона. У этого мыса на шесть миль выступаетъ въ море скала, о которую съ страшнымъ ревомъ разбиваются волны. Нужно было выйти далеко отъ берега въ открытое море, чтобы обогнуть мысъ; но на это никто не отваживался, и мысъ Нонъ надолго остался границей мореплаванія по Атлантическому океану. Существовало даже повѣрье, что кто поплыветъ за мысъ Нонъ, тотъ уже никогда болѣе не вернется назадъ.

Въ 1418 году случайно былъ открытъ португальцами островъ Порто-Санта. Одинъ португальскій корабль подъ командою Іоанна Гонсальвеса Зарко былъ отнесенъ бурею далеко отъ берега. Очутившись первый разъ въ открытомъ бушующемъ океанѣ, не видя береговъ, моряки считали себя уже погибшими; но послѣ многихъ опасностей корабль былъ прибитъ къ небольшому плодородному, богато орошенному острову, — это и былъ Порто-Санта. Португальцы основали здѣсь поселеніе. Густой туманъ къ югу отъ Порто-Санта привлекалъ вниманіе поселенцевъ, и когда они поплыли по направленію къ этому туману, то открыли гораздо большій, чѣмъ Порто-Санта, островъ, который былъ названъ Мадейрой, т.-е. Лѣснымъ, потому что его покрывалъ густой лѣсъ. Островъ этотъ былъ необитаемъ. Безчисленныя

стаи птицъ наполняли сплошной лѣсъ. Воздухъ на островѣ былъ здоровый. Здѣсь была основана колонія, которую принцъ Генрихъ снабдилъ разными сельско-хозяйственными орудіями и домашнимъ скотомъ. Лѣса на островѣ выжигались, и на расчищенныхъ такимъ образомъ и удобренныхъ пепломъ мѣстахъ разводились виноградники, садился сахарный тростникъ. Уцѣлѣвшіе лѣса употреблены были на постройку домовъ и кораблей. На южномъ берегу острова Майдеры былъ основанъ Гонсальвесомъ городъ Фунчалъ, и необитаемый прежде островъ сталъ вскорѣ украшеніемъ Португаліи и источникомъ для нея богатыхъ доходовъ.

Открытія эти показали многочисленнымъ недоброжелателямъ Генриха (которые, смотрѣли на замыслы принца, какъ на бесполезныя затѣи, поглощавшія большія средства), что затѣи эти не такъ уже бесполезны, какъ имъ казалось; главное же, открытія эти еще болѣе ободрили самого принца и утвердили его въ намѣреніи продолжать начатое имъ дѣло.

Послѣ открытія острова Майдеры были попытки объѣхать мысъ Нонъ, но онѣ не привели ни къ чему.

Въ 1433 году Гиль Эаннесъ, посланный принцемъ Генрихомъ на Канарскіе острова, противозаконно похитилъ оттуда нѣсколькихъ туземцевъ. Это разгнѣвало принца, и Гиль, чтобы заслужить его прощеніе, поклялся непремѣнно объѣхать мысъ Нонъ

или уже никогда болѣе не возвращаться назадъ. Гиль сдержалъ свое слово и въ слѣдующемъ 1434 году отправился въ путь. Онъ благополучно объѣхалъ страшный мысъ, который съ этихъ поръ сталъ называться мысомъ Боядоромъ (отъ слова «бойяръ» — объѣзжать), и присталъ къ берегу по другую его сторону. На безлюдномъ берегу моряки нашли розы; они высадили ихъ въ глиняные сосуды съ землей и по возвращеніи на родину поднесли принцу, который съ радостью принялъ этотъ даръ.

Такимъ образомъ повѣрье о томъ, что поѣхавшій за мысъ Нонъ никогда болѣе не вернется обратно, оказалось пустою выдумкой суевѣрныхъ людей. И теперь уже и другіе моряки отваживались объѣзжать страшный мысъ, и дальнѣйшее открытіе западныхъ береговъ Африки пошло быстрѣе.

Сильно мѣшало успѣхамъ открытій распространенное также въ то время ученіе древнихъ грековъ о томъ, что пространство между экваторомъ и тропиками необитаемо и совершенно лишено растительности, такъ какъ будто бы палящіе солнечные лучи убиваютъ тамъ всякую жизнь. Сахара, Аравійская пустыня и Иранское плоскогорье, опоясывающія на этомъ пространствѣ широкимъ пустыннымъ поясомъ Африку, Аравію и часть Азіи, какъ бы подтверждали подобное ученіе. Кромѣ того, существовало мнѣніе, что чѣмъ ближе къ экватору, тѣмъ море становится

мельче и до такой степени бываетъ насыщено солью, что представляетъ густую массу, въ которой двигаться судамъ невозможно. Эти предположенія отбивали всякую охоту къ посѣщенію тропическихъ странъ.

Но вотъ въ 1445 году отважный португалець Нуно Тристанъ привезъ принцу Генриху извѣстіе, которымъ совершенно разрушилось ложное ученіе древнихъ грековъ, — онъ сообщилъ, что, миновавъ пустынные берега Сахары, онъ доплылъ до берега, покрытаго сочными травами и пальмовыми рощами. Въ томъ же году это извѣстіе подтвердилъ другой мореходъ Динисъ Діасъ, который проникъ еще дальше на югъ до большого мыса, — мысъ этотъ онъ называлъ Зеленымъ за его богатую растительность.

Отважнымъ морякамъ, пускавшимся въ далекій неизвѣстный путь, приходилось преодолевать многочисленныя препятствія. Не только море грозило имъ различными опасностями, но и жители береговъ, въ большинствѣ случаевъ, встрѣчали ихъ враждебно. Такъ тотъ же неутомимый Нуно Тристанъ, проникшій въ 1446 г. уже далѣе рѣки Рио-Гранде, погибъ здѣсь. Десять лодокъ съ вооруженными неграми окружили его судно и осыпали корабль градомъ отравленныхъ стрѣлъ; 19 человѣкъ, въ томъ числѣ и самъ Нуно Тристанъ, были ранены этими стрѣлами и умерли черезъ нѣсколько минутъ. Спаслись всего только пять его спутниковъ—

4945
четверо молодыхъ матросовъ и пятый, занимавшійся на кораблѣ веденіемъ счетныхъ книгъ. Послѣ двухмѣсячнаго плаванія въ океанѣ, не видя ничего, кромѣ неба и воды, люди эти все-таки возвратились на родину. Нельзя не удивляться громаднымъ успѣхамъ португальцевъ въ мореплаваніи, сдѣланнымъ въ короткое время,—двѣнадцать лѣтъ тому назадъ они не отваживались выйти въ открытое море даже на шесть миль отъ берега, чтобы обойти мысъ Нонъ, тогда какъ теперь простые матросы сумѣли найти въ открытомъ морѣ путь въ Португалію отъ Зеленаго мыса.

3747C
Въ 1460-мъ году принцъ Генрихъ умеръ. Но не умерло съ нимъ дѣло открытій, твердо имъ поставленное, и хотя дѣло это и потеряло своего руководителя, а царствовавшій въ то время король Альфонсъ V-й не интересовался имъ, но открытія— правда, медленно — но все же подвигались впередъ.

Со вступленіемъ въ 1481 году на престолъ короля Іоанна II дѣло пошло впередъ опять быстрыми шагами. Этотъ король былъ достойнымъ продолжателемъ начинаній Генриха Мореплавателя. Въ первыя 5 лѣтъ новаго царствованія къ западнымъ берегамъ Африки было снаряжено нѣсколько экспедицій, успѣшно окончившихся; за это время была открыта огромная часть западно-африканскаго побережья.

Лѣтомъ 1486 года были отправлены два неболь-

ВАСКО ДЕ ГАМА.

13 7 265-1 кх

Центр писателя
В.И. Белова

2

БИБЛИОТЕКА
ВОЛОГДСКОГО

Университетской
библиотеки

шихъ судна, подъ начальствомъ португальца Вар-
ооломея Діаса, уже въ южную Африку; за ними
слѣдовало судно со съѣстными припасами, для того
чтобы недостатокъ послѣднихъ не принудилъ моря-
ковъ возвратиться.

Открывая новыя земли, португальцы ставили въ
нихъ «гербовые столбы» — каменные колонны съ
португальскимъ королевскимъ гербомъ и каменнымъ
крестомъ наверху; это означало, что данная земля
открыта португальцами и принадлежитъ имъ по
праву открытія. Первый такой столбъ Діасъ поста-
вилъ нѣсколько сѣвернѣе Китоваго залива. Отсюда
моряки направились къ югу, вдоль неизвѣстныхъ
еще береговъ. Но сильная буря унесла корабли далеко
отъ берега. Три дня свирѣпствовала буря, бросая изъ
стороны въ сторону корабли Діаса. Наконецъ, когда
буря нѣсколько утихла и можно было пользоваться
парусами, корабли направились на востокъ, гдѣ, по
ихъ разсчету, долженъ былъ быть берегъ. Тринад-
цать дней плыли они въ этомъ направленіи, — но
земли все не было видно. Тогда моряки догадались,
что они уже обогнули южную оконечность Африки,
и тогда они направились къ сѣверу. Дѣйствительно,
скоро они увидѣли землю. Берегъ здѣсь принялъ вос-
точное направленіе; это подтверждало, что порту-
гальцы находятся у береговъ южной оконечности Аф-
рики. Здѣсь, на маленькомъ островѣ, былъ поста-

вленъ гербовый столбъ, и островъ названъ Крестовымъ. Затѣмъ португальцы поплыли дальше на востокъ.

Между тѣмъ экипажъ кораблей сталъ требовать возвращенія на родину. Всѣ устали, требовался отдыхъ; къ тому же и съѣстные припасы истощались,—матросы роптали. Діасъ собралъ совѣтъ изъ офицеровъ. Всѣ высказались за возвращеніе, и Діасъ, скрѣпя сердце, далъ на это свое согласіе; онъ только уговорилъ спутниковъ продолжать еще плаваніе дальше на востокъ въ теченіе трехъ дней, чтобы узнать, не повернетъ ли берегъ опять къ сѣверу. Но за три дня не успѣли обойти южную оконечность Африки, и Діасъ долженъ былъ отдать приказаніе возвращаться обратно. На обратномъ пути корабли снова остановились у Крестоваго острова, и здѣсь Діасъ, сошедши на берегъ, далъ волю своей скорби; онъ, словно съ роднымъ сыномъ, прощался съ гербовымъ столбомъ.

Возлѣ большого мыса на юго-западѣ корабли выдержали сильныя бури, почему этому мысу моряки дали названіе Бурнаго. Поставивъ и здѣсь гербовый столбъ, моряки возвратились на родину черезъ шестнадцать съ половиною мѣсяцевъ послѣ отъѣзда. Король Іоаннъ II-й, проникнутый надеждою, что путь въ Индію уже найденъ, переименовалъ Бурный мысъ въ мысъ Доброй Надежды, каковое имя и осталось за нимъ навсегда.

Открытія Вареоломея Діаса были послѣдними при Іоаннѣ II-мъ.

Прошло семь лѣтъ послѣ возвращенія Вареоломея Діаса отъ мыса Доброй Надежды, прежде чѣмъ португальское правительство рѣшило окончить задачу открытія морского пути въ Индію мимо Африки. Такому рѣшенію послужило опасеніе, какъ бы не проникли испанцы, сосѣди португальцевъ, въ Индію раньше ихъ и не захватили бы въ свои руки всю торговлю. Дѣло въ томъ, что въ 1492 году королева Испаніи Изабелла заключила съ мореходомъ Христофоромъ Колумбомъ договоръ, по которому послѣдній обязался открыть морской путь въ Индію, но не восточный, мимо Африки, а западный — направляясь отъ Европы къ западу. Колумбъ возвратился изъ плаванія въ слѣдующемъ году и привезъ извѣстіе, что имъ открыты острова, которые, по его мнѣнію, находятся вблизи береговъ восточной Азіи. Тогда же начались въ Португаліи приготовленія къ далекому окончательному плаванію въ Индію. Смерть короля Іоанна II-го задержала эти приготовленія, и только въ половинѣ 1497 года три корабля съ 170 моряками были готовы къ отплытію. Начальникомъ этого маленькаго флота еще покойный король назначилъ Васко де Гаму.

Гама происходилъ изъ стариннаго португальскаго рода. Онъ родился въ 1469 году въ одномъ

приморскомъ городкѣ. Португаліи и уже въ молодости былъ извѣстенъ, какъ отважный, знающій свое дѣло мореходъ. Король уполномочилъ Гаму заключать союзы и договоры и закупать товары. Главнѣйшими помощниками Гамы были два смѣлыхъ, молодыхъ моряка — его братъ Павелъ де Гама и Николай Коэльо; подъ ихъ ближайшею командою находились два корабля, а на третьемъ плылъ самъ Васко. Корабли должны были отправиться по извѣстному уже пути къ мысу Доброй Надежды, затѣмъ обогнуть южную оконечность Африки и оттуда уже искать морской путь въ Индію въ неизвѣстномъ океанѣ.

Путешествіе въ Индію Васко де Гамы воспѣто великимъ португальскимъ поэтомъ Камозэнсомъ въ его поэмѣ «Лузіады» (т.-е. «Португальцы»), которую мы и приводимъ ниже, съ значительными сокращеніями *). Сокращенія, главнѣйше, касаются тѣхъ мѣстъ поэмы, гдѣ Камозэнсъ говоритъ о божествахъ, въ которыхъ вѣрили древніе греки и римляне и которымъ древніе греческіе и римскіе поэты отводили видное мѣсто въ своихъ произведеніяхъ. Европейскіе поэты позднѣйшаго времени, взявъ за образцы для своихъ произведеній творенія древнихъ грече-

*) При этомъ, для связи, пришлось сдѣлать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отступленія отъ текста поэмы.

скихъ и римскихъ поэтовъ, перенесли и въ свои творенія эти вымышленныя божества, хотя, будучи христіанами, конечно, не вѣрили и не могли вѣрить въ ихъ существованіе, — эти божества служили лишь украшеніемъ ихъ произведеній. Сокращенія наши касаются также и тѣхъ мѣстъ, гдѣ поэтъ подробно распространяется объ исторіи Португаліи.

Ни одинъ изъ европейскихъ народовъ не имѣетъ произведенія, подобнаго «Лузіадамъ». Въ этой поэмѣ Камоэнсъ задался цѣлью воспѣть и увѣковѣчить все, что сдѣлали славнаго португальцы съ начала своей исторіи и до того времени, когда была написана поэма Камоэнса. Главнымъ образомъ Камоэнсъ рассказываетъ въ ней о первомъ путешествіи Васко де Гамы въ Индію, но по пути рассказываетъ и о всѣхъ выдающихся историческихъ событіяхъ Португаліи и выдающихся историческихъ личностяхъ, которыя своими трудами и подвигами сдѣлали изъ незначительнаго, слабаго государства огромное, могущественное и богатое, какимъ была Португалія въ то время, когда Камоэнсъ писалъ свою поэму.

Поэма «Лузіады» пользуется всемірною извѣстностью; она переведена на всѣ европейскіе языки и на нѣкоторыя даже по нѣскольку разъ. А въ Португаліи ее чтутъ, какъ памятникъ, свидѣтельствующій о славныхъ историческихъ событіяхъ родины и подвигахъ великихъ соотечественниковъ.

Л. Камозенсъ.

Мы воспользовались текстомъ поэмы (въ переводѣ А. Дмитриева, 1788 г.) лишь настолько, насколько онъ касается собственно путешествія Васко де Гамы, оставляя въ сторонѣ все, не относящееся непосредственно къ этому путешествію.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о самомъ творцѣ «Лузіадъ».

Камоэнсъ происходилъ изъ стариннаго, когда-то богатаго, а потомъ обѣднѣвшаго дворянскаго рода. Онъ рано лишился матери. Отецъ его женился вторично и, будучи капитаномъ корабля, уѣхалъ въ Индію; у береговъ Индіи онъ потерпѣлъ кораблекрушеніе и погибъ въ морѣ. Мачиха Камоэнса, къ счастью, была женщина съ добрымъ сердцемъ и, какъ родного сына, любила своего пасынка и заботилась о немъ. Образование Камоэнсъ получилъ въ Коимбрскомъ университетѣ.

Въ Лиссабонѣ, благодаря его таланту, уму и красивой наружности, онъ былъ принятъ къ королевскому двору. Но любовь Камоэнса къ дочери одного вельможи, Катаринѣ да-Атайде, послужила причиной высылки его изъ Лиссабона: вельможные родственники Катаринины не могли простить такой дерзости простому поэту. Камоэнсъ отправился въ Африку и поступилъ тамъ въ военную службу; здѣсь онъ храбро сражался съ маврами и въ одномъ изъ сраженій лишился праваго глаза. Военныя заслуги Ка-

моэнса позволили ему возвратиться снова въ Лиссабонъ; но вскорѣ онъ опять вынужденъ былъ покинуть его и отправиться въ Индію. Во время этого-то 6-тимѣсячнаго плаванія онъ и началъ свою знаменитую поэму.

Въ Индіи онъ снова поступилъ на военную службу. Горячая любовь къ отечеству, къ его прошлому сильно охватила поэта, когда онъ увидѣлъ мѣста, напоминавшія ему славныя дѣла соотечественниковъ; а дѣйствительность между тѣмъ производила на него обратное дѣйствіе: вице-король и его главные чиновники не заботились о государствѣ и не исполняли своихъ прямыхъ обязанностей. Это вызвало негодованіе поэта, и онъ осмѣялъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній дѣйствія этихъ лицъ. Вице-король сослалъ его за это на полуостровъ Макао въ Китаѣ, гдѣ въ то время было торговое поселеніе португальцевъ. Тамъ однако вскорѣ Камоэнсъ получилъ видную должность и вмѣстѣ съ тѣмъ спокойно занимался сочиненіемъ своей поэмы. Съ пріѣздомъ въ Индію новаго вице-короля Камоэнсъ также возвратился съ Макао. Корабль, на которомъ онъ ѣхалъ въ Индію, былъ разбитъ бурей, и Камоэнсъ потерялъ все свое имущество, пріобрѣтенное въ Макао; самому поэту удалось спастись и сохранить самое драгоцѣнное изъ всего, что онъ имѣлъ — рукопись его «Лузіадъ». Но Камоэнсъ не долго пользо-

вался покойною жизнью, — съ прїѣздомъ новаго вице-короля опять постигло его несчастье: его обвинили въ различныхъ злоупотребленіяхъ по службѣ въ бытность его въ Макао и заключили въ тюрьму; однако судъ оправдалъ Камоэнса, и онъ получилъ свободу.

Наконецъ, послѣ многихъ другихъ печальныхъ приключеній, Камоэнсъ вернулся въ Лиссабонъ. Свою поэму онъ посвятилъ королю Себастьяну. Король назначилъ ему небольшую пенсію, позволявшую ему кое-какъ существовать. Но Камоэнса и тутъ стерегло несчастье: король Себастьянъ погибъ, въ 1578 г., въ сраженіи въ Африкѣ; во время наступившихъ затѣмъ неурядицъ забыли о престарѣломъ поэтѣ, платить пенсію ему перестали, и знаменитый творецъ «Лузіадъ» доживалъ свою жизнь въ крайней бѣдности. Онъ умеръ въ 1580 г., по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ — въ больницѣ.

Спустя 16 лѣтъ послѣ смерти Камоэнса была отыскана его могила и на ней поставленъ надгробный камень съ надписью: «Здѣсь покоится Лудовикъ Камоэнсъ, первый поэтъ своего времени. Онъ жилъ бѣднымъ и несчастнымъ и умеръ такимъ же». Въ 1880 году останки Камоэнса были перенесены съ королевскими почестями въ церковь Санта-Марія въ Белемъ и погребены рядомъ съ прахомъ короля Себастьяна.

II.

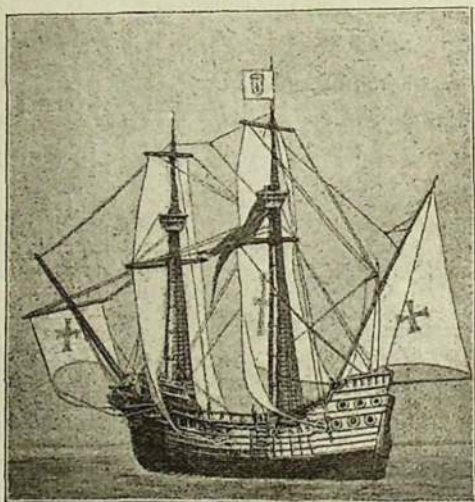
Первое путешествіе Васко де Гамы въ
Индію.

(По Камоэнсу).

Благопріятный вѣтеръ, надувая паруса, несъ португальскіе корабли по волнамъ неизмѣримаго океана. Португальцы направляли свой путь между береговъ Африки и Мадагаскара.

Небо было ясно; ни одна тучка не омрачала горизонтъ. Прошедши мысъ Прассо, моряки увидѣли острова, и такъ какъ на первый взглядъ они казались необитаемыми, то Гама, не видя надобности въ остановкѣ, отдалъ приказаніе продолжать путь, не останавливаясь у береговъ. Но онъ обманулся, думая, что острова необитаемы: отъ ближайшаго острова поспѣшно приближались къ португальцамъ нѣсколько судовъ, съ распущенными парусами. Взоры португальцевъ съ любопытствомъ обратились къ нимъ. Что тамъ за люди? враги или друзья? какіе ихъ обычаи, какіе законы? — и тому подобные вопросы задавали моряки другъ другу. Приближающіяся суда были легки на ходу, узки и продолговаты; распущенные паруса были искусно сшиты изъ пальмовыхъ листьевъ; съ судовъ раздавались громкіе звуки трубъ. Еще издали плывущіе на судахъ люди различными дви-

женіями подавали португальцамъ знаки, чтобы они ихъ подождали. Но корабли и безъ того уже направлялись къ островамъ. Вотъ они уже у берега. Паруса опущены; брызги отъ падающихъ въ воду якорей окропили борта кораблей, и корабли стали неподвижны.

Корабль, которымъ командовалъ Васко де Гама.

Люди съ судовъ съ радостнымъ видомъ влѣзаютъ по веревкамъ на корабль Гамы. Они имѣютъ темный цвѣтъ кожи. Одежда ихъ, изъ бѣлой бумажной ткани, испещренной полосами различнаго цвѣта, начинается у пояса и спускается у нѣкоторыхъ до колѣнъ, у иныхъ же подобрана выше; по поясъ они обнажены;

головы покрыты чалмами; за поясомъ торчатъ мечи и кинжалы.

Гама дружески принимаетъ ихъ. На палубѣ корабля немедленно поставили столы; сосуды наполнились виномъ. Португальцы, ничего не жалѣя, стараются сдѣлать все, что, по ихъ мнѣнію, можетъ быть пріятно неожиданнымъ гостямъ.

Во время угощенія между португальцами и ихъ гостями завязалась бесѣда. Жители острововъ спрашивали португальцевъ по-арабски: изъ какой они страны? гдѣ ихъ отечество и чего они ищутъ?

— Мы называемся португальцами, отвѣчаютъ имъ, — плывемъ отъ предѣловъ запада въ страны восточныя. По повелѣнію нашего монарха, давно уже покинули мы наше отечество, проплыли часть великаго моря около африканскихъ береговъ и направляемся въ страну, орошаемую великимъ Индомъ.

Въ свою очередь и португальцы спрашиваютъ своихъ случайныхъ гостей о томъ, какъ они называются, какую населяютъ страну и имѣютъ ли какія-либо свѣдѣнія объ Индіи.

— Мы называемся маврами *), отвѣчаетъ одинъ изъ островитянъ, — въ этой странѣ мы сами пришельцы и исповѣдуемъ вѣру не ту, которую исповѣдуютъ природные ея жители, народъ дикій и не-

*) Мавры — арабы.

просвѣщенный. Этотъ небольшой островъ, нами населяемый, называется Мозамбикомъ и служить надежнымъ убѣжищемъ и мѣстомъ отдохновенія для всѣхъ, держащихся, подобно намъ, вѣры Магомета и плавающихъ по морямъ Билоа, Момбаса и Софалы. Если вы, ища береговъ Индіи, уже такъ долго странствуете по морямъ, то благоразуміе повелѣваетъ вамъ остановиться здѣсь, отдохнуть и на время успокоиться отъ вашихъ трудовъ. Вы увидите владѣтеля этой страны; отъ него получите искуснаго кормчаго, который и проведетъ корабли ваши къ берегамъ Индіи.

По окончаніи этой бесѣды мавры простились съ португальцами и возвратились на свои суда.

Солнце уже погружалось въ морскую глубину, оставляя сестрѣ своей лунѣ попеченіе освѣщать міръ въ часы его отдыха. Ночь проходила для моряковъ въ радости, которую не темнило никакое безпокойство: наконецъ-то получили они свѣдѣнія о далекой Индіи, которую такъ долго и тщетно искали. Каждый думалъ про себя о поселеніи этихъ островитянь-мавровъ и объ успѣхахъ магометанской вѣры, которая проникла повсюду. Лучи блестящей луны отражались въ глубинѣ водъ, которыя казались для взоровъ серебряными; небеса, испещренные звѣздами, были подобны полямъ, усѣянными цвѣтами. Все было тихо; вѣтры отдыхали въ своихъ убѣжищахъ. На

судахъ по обыкновенію не всѣ спали, — нѣкоторая часть мореходовъ бодрствовала на стражѣ.

На другой день, лишь только первые лучи солнца окрасили небосклонъ, корабли разукрасились разноцвѣтными флагами — въ знакъ радости и чтобы тѣмъ почтить владѣтеля острова, который приближался къ кораблямъ со своею свитою, везя съ собою различныя туземныя яства для моряковъ. Мавританскій царекъ ожидалъ увидѣть въ чужеземцахъ своихъ единовѣрцевъ сарацинъ, т.-е. турокъ *).

Васко де Гама принялъ владѣтеля острова съ почетомъ и радушіемъ; онъ одарилъ его плодами, родящимися на западѣ, и виномъ, привезеннымъ изъ отечества. Все это мавръ принялъ съ видимымъ удовольствіемъ.

Португальцы не переставали удивляться страннымъ обычаямъ и обращенію мавровъ. Въ свою очередь и мавры удивлялись цвѣту лица и одеждѣ моряковъ; больше же всего удивляли ихъ огромные корабли португальцевъ. Все въ морякахъ возбуждало любопытство мозамбикскаго царька, и онъ не переставалъ задавать Гамѣ вопросы. Онъ спрашиваетъ его

*) Въ то время Турція была въ полномъ расцвѣтѣ своего могущества. Отголоски ея жестокихъ войнъ съ христіанами проникали съ береговъ Средиземнаго моря къ восточнымъ берегамъ Африки и вселяли уваженіе въ маврахъ къ воинственнымъ единовѣрцамъ.

о всѣхъ предметахъ на кораблѣ, ему неизвѣстныхъ; спрашиваетъ — не изъ тѣхъ ли странъ прибыли чужеземцы, гдѣ обитають сарацины? изъявляетъ желаніе видѣть книги, содержащія въ себѣ законъ вѣры португальцевъ, дабы онъ могъ судить, не сходна ли ихъ вѣра съ исповѣдываемою имъ; онъ желаетъ все видѣть, — больше же всего просить о томъ, чтобы ему показали оружіе, употребляемое португальцами противъ своихъ враговъ.

— Государь! отвѣчалъ по-арабски Гама, — во всемъ я готовъ удовлетворить твоему любопытству. Знай, что я не изъ страны, обитаемой ненавистнымъ для насъ народомъ — сарацинами, а изъ могущественной и побѣдоносной Европы и ищущей Индійскія страны. Вѣра, исповѣдуемая мною, заключается въ законѣ, переданномъ міру Тѣмъ, Кто все сотворилъ и Которому все повинуются; Который понесъ клеветы и поруганія отъ тѣхъ, кои были Его созданіе; Который снисшелъ съ небесъ, дабы открыть туда путь роду человѣческому; претерпѣлъ потомъ неповинно смерть, жестокою и поносную. Я не приношу книгъ, въ которыхъ заключается законъ сего Богочеловѣка: мнѣ не нужно видѣть изображенія въ книгахъ того, что неизгладимыми чертами изображено въ моемъ сердцѣ. Если же ты желаешь видѣть наше оружіе, то и это твое любопытство будетъ немедленно удовлетво- рено; ты увидишь его, какъ другъ, и я отъ глубины

моего сердца желаю, чтобы никогда ты не видѣлъ его, какъ врагъ.

Сказавъ это, Гама далъ знакъ матросамъ. И вотъ передъ глазами изумленного мавра появляются блестящія брони, панцыри, острые мечи, щиты, испещренные различными красками, копья, ружья изъ чистой стали, луки, полные стрѣлъ, колчаны, дротики и метательныя копья; показываютъ также мавру страшныя пушечныя жерла и чугунныя ядра. Но Гама запрещаетъ матросамъ показывать дѣйствіе этихъ смертоносныхъ снарядовъ: великодушные люди не проявляютъ своего могущества предъ безсильемъ и слабостью. Все это внимательно осматриваетъ мавръ, и все, что онъ ни видитъ, вселяетъ въ него ненависть, недовѣрчивость и зависть; но онъ старается не выказывать своихъ чувствъ, старается казаться пріятнымъ и пріятнымъ, ожидая для выраженія истинныхъ своихъ чувствъ болѣе удобнаго случая.

Между тѣмъ Гама проситъ у него кормчаго для дальнѣйшаго путешествія въ Индію и предлагаетъ за это большую награду. Мавръ обѣщаетъ исполнить просимое, но въ глубинѣ его сердца уже зрѣютъ планы, какъ бы вѣрнѣе погубить португальцевъ. Оставляя корабль и прощаясь съ португальцами, коварный мавръ осыпаетъ ихъ ласками и привѣтствіями, усиливаясь обмануть ихъ засвидѣтельствомъ своей искренней дружбы.

Возвратившись во дворецъ, мавръ засталъ тамъ одного своего друга, знаменитаго своею мудростью старца. Лишь только послѣдній услышалъ, что мореплаватели—христіане, онъ сразу почувствовалъ къ нимъ сильную ненависть. Страхъ передъ тѣмъ, что эти чужеземцы, если отъ нихъ во-время не освободиться, благополучно возвратятся въ свое отечество, а по проложенному ими пути пройдетъ христіанство, а потомъ въ Мозамбикъ утвердится могущество чужеземцевъ, и правовѣрные магометане подпадутъ подъ власть враговъ Магомета, — этотъ страхъ говорилъ мавританскому мудрецу, что нужно, во что бы то ни стало, убѣдить своего повелителя въ томъ, что португальцы — люди безусловно вредные, что если не освободиться теперь же какимъ-либо способомъ отъ этихъ непрошенныхъ гостей, то гибель ожидаетъ Мозамбикъ, а слѣдовательно и самого повелителя. И вотъ послѣ нѣкотораго раздумья старецъ началъ:

— Государь! Извѣстно мнѣ, что эти кровожадные европейцы уже разрушили и обратили въ пепелъ многіе города на нашихъ берегахъ и что съ давняго времени они имѣютъ противъ насъ злой умыселъ и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ только удобнаго случая, чтобы напасть на насъ и перебить насъ всѣхъ, а женъ и дѣтей нашихъ взять въ позорный плѣнъ. Завтра ихъ начальникъ съ своими воинами сойдетъ на нашу землю: вооружися, государь! во-

оружи народъ твой и иди ожидать ихъ въ какой-нибудь засадѣ,—такимъ способомъ съ ними не трудно справиться... А если и послѣ этого они не всё погибнуть, то есть еще и другое средство: дай имъ преданнаго тебѣ кормчаго,—онъ наведетъ ихъ корабли на подводные камни, и они неминуемо погибнуть въ морской пучинѣ.

Едва окончилъ старикъ эти слова, какъ властитель заключилъ его въ свои объятія и, поблагодаривъ его за такой совѣтъ, отдалъ приказаніе своему народу готовиться къ битвѣ съ португальцами.

Уже лучи восходящаго солнца позлащали верхи горъ. Гама намѣревался покинуть Мозамбикъ и послалъ на берегъ боть съ нѣсколькими людьми за обѣщаннымъ кормчимъ; самъ же онъ съ вооруженною стражей рѣшилъ тоже сойти на берегъ, чтобы запасть прѣсною водою для дальнѣйшаго плаванія. Португальцы какъ бы были предупреждены о разставленныхъ для нихъ сѣтяхъ и со всевозможною осторожностью подвигались къ берегу. Предосторожности были не лишнія: на берегу стояли мавры, вооруженные—одни мечами и щитами, другіе луками и ядовитыми стрѣлами, и ожидали португальцевъ. Большая часть мавровъ скрывалась въ засадѣ, а стоящіе на берегу должны были вовлечь португальцевъ въ сраженіе и, когда всё они будутъ на берегу, обратиться въ притворное бѣгство по направленію въ засадѣ.

Стоящіе на берегу мавры потрясали оружіемъ въ сторону приближавшихся португальцевъ и обращались къ нимъ съ вызывающими криками. Но вотъ суда уже у берега. Раздраженные португальцы съ такимъ единодушіемъ бросились на своихъ противниковъ, что трудно сказать, кто изъ нихъ первый коснулся земли. Мѣдныя орудія съ судовъ загремѣли противъ берега, осыпая мавровъ чугунными ядрами, и эхо повторило страшные вопли раненыхъ. Видя это, скрытые въ засадѣ лишились мужества и стали спасаться бѣгствомъ, а тѣ, которые дерзнули сражаться, падали подъ ударами португальцевъ.

Врагъ побѣжденъ. Но раздраженіе португальцевъ не уменьшается; они продолжаютъ свою побѣду, идутъ къ городу, неогороженному и безъ защиты, и пламень охватываетъ дома, а окровавленные мечи ищутъ своихъ жертвъ. Повелитель Мозамбика уже раскаивается въ своемъ замыслѣ и проклинаетъ сраженіе, которое самъ же онъ вызвалъ. Онъ стремится достигнуть твердой земли, отдѣленной отъ острова морскимъ проливомъ, и, спасаясь бѣгствомъ на лодкѣ, посылаетъ послѣднія стрѣлы португальцамъ. Повсюду видны лодки съ спасающимися маврами; но ядра и здѣсь достигаютъ бѣглецовъ и находятъ среди нихъ свои жертвы. Побѣдители, не встрѣчая болѣе ни препятствій, ни сопротивленія, съ богатою добычей возвращаются на корабли.

Но ненависть мавровъ выросла еще больше съ ихъ пораженіемъ; будучи не въ силахъ одолѣть своихъ противниковъ мужествомъ, они обратились къ хитрости и коварству. Ихъ царекъ, притворясь раскаивающимся въ своемъ преступленіи, сдѣлалъ мирныя предложенія португальцамъ и прислалъ къ нимъ требуемаго ими кормчаго. Этотъ знакъ покорности обезоружилъ португальцевъ и заставилъ ихъ забыть свое недоверіе. Гама, котораго благопріятный вѣтеръ призывалъ къ продолженію пути, привѣтливо встрѣтилъ кормчаго, велѣлъ передать царьку, приславшему его, благодарность, и вотъ корабли, съ распущенными парусами, отправились въ путь.

Не подозрѣвая кормчаго въ ужасной измѣнѣ, Гама ежеминутно обращался къ нему съ вопросами объ Индіи, о берегахъ, мимо которыхъ они проходили. Хитрый кормчій съ большимъ умѣньемъ скрывалъ свои намѣренія; онъ съ самымъ невиннымъ видомъ отвѣчалъ на всѣ вопросы и пріобрѣталъ довѣріе португальцевъ, — но въ немъ уже зрѣлъ планъ мести.

— Невдалекѣ отсюда, говорилъ онъ Гамѣ, — есть островъ, издавна населяемый христіанскимъ народомъ.

За такое радостное извѣстіе Гама наградилъ кормчаго и велѣлъ ему направить корабли къ этому острову. Кормчій имѣлъ въ виду островъ Килоа,

гораздо сильнѣе и могущественнѣй Мозамбика, но населенный также, какъ и послѣдній, магометанами. Коварный мавръ ласкалъ себя надеждою, что португалцы тамъ найдутъ себѣ гибель.

Корабли стремительно разсѣкали волны. Однако кормчій скоро долженъ былъ убѣдиться въ томъ, что вѣтеръ измѣнился и къ Килоа пристать кораблямъ не удастся; но у него уже явился другой планъ.

— Сильный вѣтеръ, говорилъ онъ Гамѣ, — противъ воли нашей, относитъ насъ отъ желаемаго пути; но не печальтесь — вы найдете здѣсь по близости еще другой островъ, гдѣ обитаютъ магометане вмѣстѣ съ исповѣдующими законъ христіанскій.

Это былъ новый обманъ: кормчій говорилъ про Момбасъ, гдѣ магометанская вѣра была владычествующею. Гама, во всемъ довѣрившійся кормчему, велѣлъ направить корабли къ Момбасу. Соблюдая осторожность, португалцы бросили якоря въ открытомъ морѣ, вдалекѣ отъ пристани.

Островъ отдѣлялся отъ твердой земли небольшимъ проливомъ. Съ моря видны были прекрасныя зданія города. Городъ управлялся царемъ уже преклонныхъ лѣтъ.

Гама, ожидавшій увидѣть христіанъ, съ радостью замѣтилъ отваливающія отъ пристани суда съ царскимъ посольствомъ. Царь Момбаса уже зналъ, кто были эти пришельцы.

Невѣрные приближались, какъ друзья, но въ сердцахъ своихъ скрывали ядъ ненависти. Солнце скрывало уже свой блескъ отъ очей смертныхъ, когда они пристали къ португальскимъ кораблямъ, едва успѣвшимъ бросить якоря.

— Мужественный военачальникъ, переплывшій зыблющіяся долины и неустрашившійся пространства морей! такъ началъ начальникъ посольства, довѣренный своего царя, — знай, что мой государь, извѣщенный о твоёмъ прибытіи, горитъ нетерпѣніемъ видѣть тебя. Удивленіе, въ которое приводитъ его твоя неустрашимость, отвѣчаетъ за его къ тебѣ доброжелательство. Онъ готовъ тебѣ помогать во всемъ, въ чемъ ты будешь имѣть нужду. Вступи безъ боязни со всѣми твоими воинами на гостепріимный берегъ и дай твоимъ спутникамъ, удрученнымъ долговременнымъ плаваніемъ, время отдохнуть отъ ихъ трудовъ и возстановить изнуренныя силы. Если желаніе пріобрѣсти богатые восточныя сокровища направляло тебя сюда, если корица, гвоздика, цѣлебныя растенія, блестящіе рубины или алмазы, столь же твердые, сколько блестящіе, и другія драгоцѣнныя произведенія щедрой природы прельщаютъ тебя, — то всѣ эти сокровища ты получишь здѣсь, не ходя дальше, въ такомъ изобиліи, что тебѣ не останется болѣе ничего желать.

Гама, выразивъ за царскія предложенія свою благодарность, отвѣчалъ, что день, клонящійся къ своему окончанію, мѣшаетъ ему подойти къ пристани теперь же, но что онъ съ довѣренностью поведетъ свой корабли къ берегу, лишь только раждающееся утро покажетъ ему, по какому пути онъ долженъ слѣдовать и гдѣ нужно остерегаться подводныхъ камней. Наконецъ онъ спросилъ посланца, живутъ ли въ этой странѣ христіане, какъ ему повѣдалъ о томъ кормчій. Коварный мавръ, чтобы отклонить и тѣнь подозрѣнія, отвѣчалъ, что большая часть жителей поклоняются Іисусу.

Съ Гамою было нѣсколько преступниковъ, осужденныхъ за ихъ злодѣйства на смерть; такихъ преступниковъ брали въ путешествія для того, чтобы употреблять ихъ въ особо-опасныхъ случаяхъ, — это замѣняло имъ смертную казнь. Двухъ изъ этихъ преступниковъ, самыхъ хитрыхъ, Гама и отправилъ на берегъ, приказавъ имъ внимательно высмотрѣть городъ, разузнать о силѣ мавровъ, особенно же постараться увидѣться съ христіанами, которыхъ онъ самъ нетерпѣливо желалъ видѣть. Еще не подозрѣвая коварства въ дружескихъ увѣреніяхъ, полученныхъ отъ царя черезъ его посланниковъ, Гама поручилъ поднести ему дары. Съ этими-то двумя португальскими послами мавры направились къ берегу. На берегу пословъ встрѣтили съ при-

творными знаками дружбы и радости. Ихъ представили царю, которому они поднесли подарки Гамы, а затѣмъ они отправились осматривать городъ; но мавры, сопровождавшіе ихъ, прилагали при этомъ все старанія къ тому, чтобы они не получили вѣрнаго представленія о немъ.

Въ Момбасѣ, дѣйствительно, жило нѣсколько христіанъ изъ христіанской страны въ Африкѣ—Абессиніи; они имѣли въ своихъ домахъ христіанскіе образа. Къ одному изъ нихъ и привели мавры своихъ гостей. Португальцы преклонили колѣни передъ образами и, возвратившись съ наступленіемъ зари вмѣстѣ съ маврами на корабль, донесли Гамѣ, что дѣйствительно видѣли въ городѣ благочестиваго христіанина, что какъ въ царѣ, такъ и въ его подданныхъ встрѣтили самый дружескій пріемъ и что вѣрность этихъ дружескихъ чувствъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Гама, довольный этими донесеніями и питая пріятныя надежды, съ непритворною радостью принялъ пріѣхавшихъ съ берега мавровъ. Да и какое проницаніе не могло бы обмануться такими доказательствами добрыхъ отношеній!

Корабль Гамы наполнялся маврами, которые на лодкахъ приставали къ нему со всехъ сторонъ и, полные свирѣпой радости, обращали свои алчные взоры на богатства португальцевъ, увѣренные въ томъ, что богатства эти скоро будутъ принадлежать

имъ. Между тѣмъ на берегу было уже все готово къ нападенію на португальцевъ, лишь только якоря будутъ брошены въ пристани; мавры уже поздравляли другъ друга съ тѣмъ, что скоро португальцы кровью своею заплатятъ за разрушеніе Мозамбика. А португальцы съ радостными восклицаніями вытаскивали якоря и направляли корабли къ пристани.

Но тутъ случилось нѣчто чудесное: корабль, на которомъ былъ Гама, вдругъ безъ видимыхъ причинъ пошелъ обратно. Плачевные крики мореплавателей огласили воздухъ. Не зная, что дѣлать, они метались по кораблю въ разныя стороны; руль не повиновался усиліямъ рукъ. Напрасно кормчій, видя на морѣ передъ собою каменную скалу, взывалъ къ морякамъ, что корабль разобьется, набѣжавъ на нее,—они отвѣчали ему крикомъ, смутнымъ и ничего не означающимъ. При видѣ такой остановки мавры, объятые ужасомъ, предположили, что открыты ихъ злые замыслы и что за этою остановкой послѣдуетъ должное возмездіе,—и вотъ одни изъ нихъ стремительно бросаются къ лодкамъ, привезшимъ ихъ на корабль, другіе бросаются прямо въ море, стараясь спастись вплавъ и предпочитая скорѣе погибнуть въ волнахъ, чѣмъ попасть въ руки своихъ враговъ; въ числѣ бросившихся въ море былъ и виновнѣйшій изъ всѣхъ, вовлекшій португальцевъ въ эти сѣти—кормчій. Въ это время Гама велѣлъ бросить якоря,

боясь, чтобы корабль не разбился о скалу; остальные два корабля расположились возлѣ него *).

Видя неожиданное бѣгство мавровъ и кормчаго, Гама понялъ опасность, которой онъ подвергался, и измѣну притворныхъ вѣроломцевъ.

— О, удивленіе! о, чудо! воскликнулъ онъ. — Низкая, неожиданная измѣна! Враги коварные и вѣроломные! О, Боже! Какая человѣческая мудрость можетъ быть достаточна безъ Твоей помощи? Какое мужество безъ Тебя будетъ твердымъ? Какъ возможно проникнуть въ мракъ злодѣйскихъ намѣреній, если Ты не осіяешь мракъ этотъ Твоимъ свѣтомъ? Нѣтъ для насъ въ этомъ мірѣ безопасности; со всѣхъ сторонъ окружаютъ насъ злодѣйскіе ковы. Какъ не впасть въ нихъ, если Ты не соблаговолишь намъ ихъ открыть? Люди насъ обманываютъ: Ты, Господи, руководишь нами, ибо странствіе наше продолжается по Твоему велѣнію и для Твоего единственно служенія. Отнынѣ Ты одинъ пребудешь нашимъ путе­водителемъ и кормчимъ, долженствующимъ направлять насъ на истинный путь.

Наступала ночь, а португальцы все еще находились у этихъ опасныхъ береговъ, излишне надѣясь

*) Это чудесное избавленіе отъ гибели — поэтической вымыселъ Камозенса. Но исторически вѣрно то, что кормчій у береговъ Момбаса покушался посадить португальскіе корабли на мель, однако замыслы его были во-время открыты.

на свое мужество и забывая, что неустрашимость всегда должна опасаться вѣроломства. Ночь уже на половину совершила свой путь, когда Гама отдалъ наконецъ приказаніе извлечь изъ воды якоря и, распустивъ паруса, пустить корабли по вѣтру. Мавры же, пользуясь мракомъ ночи, уже плыли на лодкахъ съ цѣлью перерубить якорные канаты у кораблей, лаская себя надеждою увидѣть вскорѣ ихъ разбившимися о прибрежныя скалы. Напрасная надежда! — португальцевъ уже не было. Погоняемые благопріятнымъ вѣтромъ, тихо двигались ихъ корабли, разсѣвая волны.

Солнце уже вторично начинало свой годовой кругъ съ того времени, какъ португальцы оставили свое отечество, когда моряки замѣтили съ кораблей два небольшихъ судна, несшихся на всѣхъ парусахъ. Гама, предполагая, что на нихъ плывутъ мавры, велѣлъ направить корабли къ нимъ. Одно изъ этихъ судовъ, спасаясь отъ португальскихъ кораблей, направилось къ берегу, но тамъ сѣло на мель; другое судно вскорѣ было во власти португальцевъ. Оно было плохо вооружено, съ небольшимъ числомъ моряковъ, и безъ сопротивленія сдалось и ввѣрило себя милосердію португальцевъ. На этомъ суднѣ Гама думалъ найти кормчаго; но ни одинъ изъ бывшихъ на суднѣ не могъ даже сказать ему, гдѣ находится

Индія. Все, что могъ Гама отъ нихъ узнать, было только то, что онъ находится близъ Мелинды, гдѣ можетъ получить искуснаго кормчаго; они хвалили государя этой страны — его великодушіе и чело-вѣколюбіе, его богатства. Гама не видѣлъ въ ихъ простодушныхъ разсказахъ хитрости или какихъ-нибудь злыхъ намѣреній и, сопровождаемый ими, отправился по направленію къ Мелиндѣ.

Это происходило въ одинъ изъ воскресныхъ дней самаго пріятнѣйшаго времени года, когда природа оживаетъ и весна повсюду обильно разсыпаетъ свои богатства. Корабли, въ знакъ радости разукрашенные разноцвѣтными флагами, уже достигли того мѣста, откуда видна была Мелинда. Португальцы торжественно, во всемъ воинскомъ великолѣшіи, приближались къ городу. Распущенные флаги колебались отъ дуновенія вѣтра; звуки бубновъ, литавръ и другихъ музыкальных инструментовъ далеко разносились въ воздухъ, выражая радость моряковъ. Весь берегъ былъ покрытъ народомъ; любопытные взоры не отрывались отъ приближающихся кораблей. И вотъ флотъ остановился; якоря брошены въ воду.

Къ мелиндскому царю отправили одного изъ плѣнныхъ мавровъ. Эготъ царь, также уже извѣщенный молвою о португальцахъ, о ихъ подвигахъ и ихъ славѣ, просилъ ихъ вступить въ пристань и сойти на бе-

регъ; онъ предлагалъ имъ все, чѣмъ только изобилуетъ его государство. Его слова не замедлили подтвердиться поступками. Онъ велѣлъ везти на корабли все, что могло найтись въ Мелиндѣ лучшаго изъ плодовъ и животныхъ. Гама съ сердечною благодарностью принялъ эти подарки и, въ свою очередь, послалъ мелиндскому царю привезенныя изъ отечества дорогія пурпуровыя парчи и разныя издѣлія изъ дорогихъ коралловъ. Послу, который долженъ былъ передать эти подарки, онъ поручилъ предложить царю завѣты мира и просить его, чтобы онъ не поставилъ въ вину ему, Гамѣ, того, что онъ не явился къ нему самъ.

Посолъ немедленно отправился. Явившись къ мелиндскому государю, онъ передалъ ему подарки своего капитана и обратился къ нему съ слѣдующими словами:

— Великій государь, правосудно управляющій сильнымъ народомъ, заставляющій страшиться твоего могущества и любить твои законы! Мы съ довѣренностью вступаемъ въ твои владѣнія, которыхъ крѣпость и безопасность извѣстны всему востоку, и приходимъ просить твоей помощи. Мы не разбойники, которые занимаются хищничествомъ, нападаютъ на слабыя, беззащитныя страны и, разоряя ихъ огнемъ и мечомъ, стремятся овладѣть ихъ богатствами. По повелѣнію нашего великаго государя, мы прибыли изъ

могущественной Европы и ищемъ индійскія страны. Какъ должны быть жестоки и безжалостны, какъ негостепріимны и свирѣпы тѣ люди, которые отказали намъ въ убѣжищѣ въ своихъ пристаняхъ и даже воспретили намъ отдохнуть на пескѣ своихъ береговъ? Какое мы сдѣлали преступленіе? Чего можно бояться отъ такого малаго числа людей, въ какомъ находимся мы? И для чего же для нашей гибели употреблять коварство? Мы надѣемся, о милосердый царь, найти въ тебѣ болѣе человѣчныя чувства. Не подумай, государь, чтобы храбрый нашъ начальникъ скрывалъ въ своемъ сердцѣ недовѣріе къ тебѣ или считалъ тебя способнымъ погубить его, если онъ самъ не явился къ тебѣ. Этимъ онъ исполняетъ лишь волю своего государя, который воспретилъ ему оставлять корабли. Ты самъ — государь, и тебѣ извѣстно, какимъ послушаніемъ обязанъ подданный своему государю, и развѣ будешь ты требовать, чтобы повиновеніе верховной власти было нарушено? Во всемъ остальномъ со всѣми своими спутниками начальникъ мой отдается въ твою власть, и доколѣ быстрыя рѣки будутъ нести въ океанъ свои воды, до тѣхъ поръ благодарность за твои благодѣянія не изгладится въ нашихъ сердцахъ.

Такъ говорилъ посолъ Гамы. Всѣ стоящіе вокругъ мелиндскаго царя удивлялись терпѣнію и мужеству португальцевъ, приплывшихъ изъ отдален-

нѣйшихъ странъ по неизмѣримымъ морямъ. Повиновение же, даже и въ такомъ отдаленіи, волѣ своего повелителя и усердіе въ исполненіи его повелѣній внушили мелиндцамъ высокое мнѣніе о могуществѣ и мудрости португальскаго государя. Царь Мелинды, обративъ къ послу свои благосклонные взоры, сказалъ ему:

— Оставьте всѣ ваши сомнѣнія и страхи! Ваши подвиги доставляютъ вамъ почетъ отъ всѣхъ, знающихъ истинную цѣну достоинства, и оскорбляютъ васъ — значитъ нарушать законъ справедливости. Хотя и прискорбно мнѣ, что вашъ начальникъ не пришелъ лично увѣриться въ моемъ и всего моего народа къ вамъ расположеніи, однако не могу не воздать ему должной похвалы и не требую, чтобы для удовлетворенія моего желанія онъ презрѣлъ повелѣніе своего государя. Съ нетерпѣніемъ желаю увидѣться съ нимъ и завтра же, съ разсвѣтомъ, отправлюсь на моихъ лодкахъ къ его кораблямъ. Если корабли ваши имѣютъ какія-либо поврежденія отъ долговременнаго плаванія, то здѣсь дана будетъ вамъ нужная помощь къ ихъ исправленію. Вы найдете здѣсь опытныхъ кормчихъ, корабельные снаряды и все нужное для вашего дальнѣйшаго путешествія.

Такъ говорилъ мелиндскій царь. День клонился уже къ вечеру, и посолъ, довольный успѣхомъ сво-

его посольства, отправился къ кораблямъ. Вѣсти его вселили радость въ сердца моряковъ. Свою радость они пожелали выразить тотчасъ же какимъ-нибудь торжествомъ, — и вотъ въ ночной тишинѣ раздается трескъ ракетъ и темную высь прорѣзываютъ блестящіе лучи; огненный дождь сыплется съ кораблей въ море при звукахъ музыки и восторженныхъ кликахъ. Съ берега отвѣчаютъ тѣмъ же. Весь горизонтъ кажется какъ бы воспламененнымъ; въ воздухѣ вращаются огненные колеса; небо, земля и воды безпрестанно озаряются огнями. Радость и веселье господствуютъ на берегу и корабляхъ до глубокой ночи.

Лишь только раждающійся день разсѣялъ мракъ ночи, царь Мелинды взошелъ на позолоченное судно, покрытое разноцвѣтными парчами, и поплылъ къ португальскимъ кораблямъ. Весь берегъ былъ покрытъ множествомъ любопытныхъ зрителей. Суда, сопровождавшія мелиндскаго царя, блистали золотомъ; сидѣвшіе въ нихъ, вмѣсто мечей и луковъ, держали въ рукахъ пальмовыя вѣтви, которыми увѣнчиваютъ побѣдителей. Царь сидѣлъ окруженный своими вельможами. Шелковая, съ золотыми полосами ткань обвивала его чалму. Плащъ его былъ изъ шелковой китайской ткани пурпуроваго цвѣта. На шеѣ у него блистала золотая цѣпь; искусная работа ея превышала цѣнность самого матеріала, изъ котораго она

была сдѣлана. У пояса висѣлъ кинжалъ, осыпанный алмазами. Бархатные сапоги были унизаны драгоценными жемчугами. Для защиты отъ солнечнаго зноя надъ головою царя возвышался шелковый зонтъ на позолоченномъ стержнѣ, поддерживаемый однимъ изъ царедворцевъ. Въ передней части судна находились музыканты, издававшіе на своихъ инструментахъ веселые, громкіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и странные для европейскаго слуха звуки.

Гама на своей лодкѣ направился навстрѣчу царю. Его одежда также блистала золотомъ. Великолѣпное перо на его шлемѣ величественно колебалось отъ вѣтра. Одежды его свиты не уступали въ великолѣпіи одеждамъ мелиндскихъ вельможъ. Смѣсь различныхъ цвѣтовъ костюмовъ, флаги и хоругви, колеблемые вѣтромъ, представляли красивое зрѣлище. Звуки трубъ на португальскихъ корабляхъ и звуки музыки на суднѣ царя мѣшались съ радостными восклицаніями и съ громомъ орудій.

Когда судно царя поравнялось съ лодкою Гамы, царь взошелъ къ нему въ лодку. Гама съ почтеніемъ склонился предъ нимъ, а царь обнялъ его съ почтеніемъ. Онъ смотрѣлъ на Гаму съ удивленіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ удовольствіемъ; казалось, онъ былъ чрезмѣрно обрадованъ, видя чужеземцевъ, прибывшихъ изъ такой дали. Онъ вновь повторилъ свои великодушныя предложенія доставить имъ все, въ

чемъ они будутъ нуждаться и чѣмъ изобилуетъ его государство. Онъ говорилъ, что слава уже давно возвѣстила ему о португальскомъ народѣ; что онъ слышалъ объ ихъ воинскихъ успѣхахъ и что вся Африка оглашалась звуками ихъ оружія, когда они покоряли подъ свою власть ея сѣверо-западъ. Онъ говорилъ о побѣдахъ португальцевъ, вспоминалъ всѣ дошедшія до него свѣдѣнія объ ихъ славныхъ подвигахъ.

— Великодушный монархъ! отвѣчалъ Гама, — пусть всемогущій Богъ воздастъ тебѣ за твои благодѣянія, мы же не въ силахъ отблагодарить тебя. Изъ всѣхъ государей этихъ странъ только ты одинъ благосклонно принимаешь насъ; только у одного тебя нашли мы убѣжище и помощь, и доколѣ солнце будетъ освѣщать міръ, мы повсюду, гдѣ бы ни находились, не перестанемъ восхвалять твою славу и твои добродѣтели.

Лодки между тѣмъ приблизились къ португальскимъ кораблямъ. Мелиндцы объѣхали кругомъ нихъ, осматривая ихъ съ любопытствомъ и удивленіемъ. Царь мелиндскій, слухъ котораго не былъ пріученъ къ пушечному грому, ощущалъ нѣкоторый страхъ отъ пальбы и просилъ прекратить ее. Онъ велѣлъ остановить судно, на которомъ ѣхалъ вмѣстѣ съ Гамой, для того, чтобы удобнѣе было говорить съ португальскимъ вождемъ.

— Храбрый военачальникъ! обратился онъ къ Гамѣ, — Расскажи мнѣ точнѣе, подъ какимъ небомъ находится твоя земля и какая страна міра — твое отечество? Расскажи мнѣ о происхожденіи твоего народа, объ основаніи вашего сильнаго государства, о военныхъ его успѣхахъ въ началѣ. Расскажи мнѣ о твоихъ долговременныхъ странствованіяхъ по морямъ, въ продолженіе которыхъ успѣлъ узнать ты нравы различныхъ обитателей Африки. Новый день только что смѣняетъ утреннюю зарю, вѣтры покоятся, море тихо; солнце теперь еще не мечетъ на насъ своихъ знойныхъ лучей, а сердце въ насъ не такъ грубо, чтобы могло быть нечувствительнымъ къ великимъ подвигамъ.

Въ отвѣтъ на это Гама началъ рассказъ свой съ описанія Европы. Затѣмъ онъ рассказалъ о происхожденіи португальскихъ королей, о войнахъ Португаліи съ маврами, о нѣкоторыхъ историческихъ событіяхъ своего отечества и наконецъ перешелъ къ тому времени, когда король Эммануилъ рѣшилъ отправить къ берегамъ Индіи свой флотъ.

Р а з с к а з ъ Г а м ы .

Царь ввѣрилъ мнѣ исполненіе этого великаго предпріятія, — такъ продолжалъ рассказъ свой Гама. — Не знаю, видѣлъ ли онъ на моемъ челѣ изображеніе

предсказаній благополучнаго успѣха, но онъ сказалъ мнѣ съ видомъ благоволенія:

— Гама! придется понести великіе труды, чтобы успѣть въ этомъ великомъ дѣлѣ. Я изъ всѣхъ выбралъ тебя для исполненія предпріятія, достойнаго твоего мужества. Предпріятіе это трудно, но славно, и я увѣренъ, что при исполненіи моей воли тебѣ ничто не будетъ казаться труднымъ.

— Великій государь! отвѣчалъ я ему, — о томъ лишь я сожалею, что имѣю только одну кратковременную жизнь для посвященія ея тебѣ. Возложи на меня величайшіе труды, подвергни меня величайшимъ опасностямъ, какія только могутъ быть, и я готовъ идти на нихъ.

Монархъ, тронутый моимъ усердіемъ, осыпалъ меня похвалами, ободряющими добродѣтель и побуждающими духъ нашъ къ великимъ дѣламъ. Мой братъ, Павелъ Гама, вызвался мнѣ сопутствовать; любовь его ко мнѣ и къ славѣ не позволяли ему со мною разлучиться. Храбрый Коэльо, котораго ничто не въ силахъ утратить, присоединился къ нему. Оба искусны въ военномъ дѣлѣ и привыкли къ опасностямъ. Знатнѣйшее юношество стремилось слѣдовать за нами. Каждый горѣлъ желаніемъ отличить себя; похвалы и милости короля еще больше возбуждали ихъ.

Уже корабли, готовые къ плаванію, стояли въ

пристани Лиссабонской, тамъ, гдѣ воды рѣки Таго мѣшаются съ морскими волнами. Надежда и радость изображались на нашихъ лицахъ; никто изъ желающихъ сопутствовать мнѣ не проявлялъ ни малѣйшаго страха. Съ веселымъ видомъ взбирались матросы на палубы; всѣ готовы были плыть хоть къ предѣламъ вселенной. Тихій вѣтеръ слабымъ движеніемъ колебалъ развѣвающиеся флаги и знамена.

Послѣднею нашею заботой было приготовить себя къ смерти, которая безпрестанно носится передъ глазами мореплавателя, и вознести наши молитвы къ Всевышнему: только Онъ одинъ можетъ отворотить отъ насъ опасности и даровать благополучное плаваніе. Наконецъ мы вышли изъ храма, и настало время вступить намъ на корабли. О, великій государь! волненіе охватываетъ меня, и я едва могу удержаться отъ слезъ, когда вспоминаю эти минуты. Мы шли къ берегу въ сопровожденіи собора духовенства, поющаго священныя молитвы. Наши родственники, наши друзья, всѣ сограждане собрались толпою на берегу. Горе изображалось на всѣхъ лицахъ; казалось, насъ считали уже погибшими. Горестные вопли женщинъ раздавались въ воздухѣ; мужчины не могли сдерживать набѣгавшихъ на глаза слезъ. Матери, жёны, сёстры, любовь которыхъ превеличивала угрожавшія намъ опасности, отчаивались когда-либо вновь свидѣться съ милыми сердцу.

— Сынъ мой! восклицала одна, — единственное утѣшеніе моей старости! зачѣмъ, зачѣмъ покидаешь меня? Зачѣмъ обрекаешь меня влачить послѣдніе мои дни въ горѣ и слезахъ? Куда ты удаляешься отъ меня? Любимый мой! куда ты стремишься? Увы! чтобы сдѣлаться пищею морскихъ чудовищъ...

— О, мой милый супругъ, безъ котораго мнѣ и жизнь не въ жизнь! кричала другая, съ растрепанными волосами, — зачѣмъ стремишься ты бросить въ свирѣное море тѣ дни, которые принадлежать мнѣ? Какъ можешь ты предпочитать опасности долговременнаго скитанія по морямъ сладостямъ нашего союза? Ты меня покидаешь, и вскорѣ безжалостные вѣтры далеко унесутъ отъ меня всѣ мои утѣхи.

Слабые старики и дѣти выражали такія же чувства. Мы не смѣли поднять очей нашихъ, чтобы не впасть въ уныніе и не поколебать твердо принятаго рѣшенія. Я первый прервалъ тяжелыя минуты прощанья, которыя скорѣе увеличиваютъ тоску, чѣмъ даютъ утѣшеніе — какъ остающемуся, такъ и отъѣзжающему.

Въ то время, когда мы готовились покинуть голубыя воды Таго, какой-то старикъ, обратя на насъ мрачныя и скорбныя взоры, трижды покачалъ головой и, возвыся свой голосъ, извлекъ изъ глубины своего сердца слѣдующія мудрыя слова, которыя, казалось, сама опытность, плодъ долголѣтней жизни, велагаала ему въ уста:

— О, честолюбіе, суетная жажда славы, какъ пагубна твоя власть! Какимъ бѣдамъ, страданіямъ и ужасамъ подвергаешь ты людей! Источникъ злодѣйствъ и заблужденій! тебя называютъ славой, но справедливѣе было бы назвать тебя ея помраченіемъ. Ты, обольщая непросвѣщенные народы этимъ ложнымъ именемъ, дѣлаешь ихъ несчастными. Какому новому несчастію хочешь ты подвергнуть это государство? Какими ложными призраками омрачаешь наши очи? Какія сокровища общаешь? Народъ безразсудный! если ты такъ стремишься къ славѣ, если ты такъ мало дорожишь своею жизнью, — скажи, не имѣешь ли ты по близости своихъ исконныхъ враговъ — мавровъ? Если ты ищешь сокровищъ, то враги эти владѣютъ обширными странами. Желаетъ знаменитой побѣды? — они мужественны въ войнахъ. Зачѣмъ же ты позволяешь усиливаться врагу, который у твоихъ воротъ, и стремишься искать другого — въ далекихъ странахъ? Чего ты хочешь, честолюбивый народъ? Не того ли, чтобы слава гремѣла о твоихъ подвигахъ и придавала тебѣ суетные титулы повелителя Индіи, Персіи, Аравіи и Эѳіопіи?..

Въ то время, какъ почтенный старецъ говорилъ это, мы распустили паруса и покинули пристань. Мало-по-малу затуманивались берега дорогого отечества, и лишь Синтрскія горы еще чернѣли на горизонтѣ; но и тѣ скоро какъ бы слились съ во-

дою и потерялись изъ виду. и наконецъ ничего не стало видно, кромѣ моря да неба...

Мы оставили уже позади горы Мавританіи, островъ Мадейру, прошли мимо острововъ Канарскихъ, мимо бесплодныхъ береговъ великой пустыни *) и послѣ краткаго отдыха на островѣ св. Іакова **) миновали обширную Мандингскую страну, жители которой изъ нѣдръ земли достаютъ золото. Оставивъ за собой Сіера-Леонскія горы, Пальмовый мысъ, островъ св. Ѳомы, мы пересѣкли экваторъ, дѣлящій весь шаръ земной на двѣ части, и потеряли изъ виду созвѣздіе Большой Медвѣдцы, — увидѣли новое небо, съ новыми звѣздами.

Я не буду подробно описывать все тѣ напасти, которымъ подвергались мы на этомъ пути, скажу только, что не разъ свирѣпыя бури грозили затопить наши корабли и погребсти насъ въ морской пучинѣ; не одну бессонную трудовую ночь провели мы, полные страха, — ночь, когда мракъ ея прорѣзывался исполинскими молніями и вслѣдъ за тѣмъ раздавался оглушительный громъ и казалось — словно основанія вселенной содрогаются, а море реветъ и бушуетъ. Видѣли мы и грозную трубу ***). Вначалѣ это какъ бы легкій туманъ, поднимающійся съ по-

*) Сахары.

**) Сантъ-Яго.

***) Водяной смерчъ.

верхности моря; но вскорѣ взорамъ представляется огромный крутящійся столбъ, упирающійся своею вершиною въ густую тучу. Столбъ все растетъ и растетъ въ объемѣ, то поднимаясь, то опускаясь вмѣстѣ съ волнами. Туча, впитывая въ себя изъ столба воду, все увеличивается и увеличивается, подобно пиявкѣ, которая, присосавшись къ мордѣ животнаго, утоляющаго изъ рѣки свою жажду, толстѣетъ, раздувается и не отваливается до тѣхъ поръ, пока вся не наполнится кровью. Такъ расширяется туча, пока наконецъ питающій ее столбъ не сдвинется съ своего мѣста, — тогда туча превращается въ дождь и возвращаетъ такимъ образомъ морю все, что взяла отъ него...

Пять разъ луна совершила свои обычные ежемѣсячныя превращенія съ тѣхъ поръ, какъ корабли наши бороздили соленыя воды морей, когда однажды одинъ изъ матросовъ, находившихся на марсѣ*), крикнулъ вдругъ: «Земля! земля!» Мы всѣ стремительно бросились на палубу и устремили взоры на востокъ. Дѣйствительно, на горизонтѣ обрисовывались горы, которыя намъ съ корабля казались густымъ облакомъ. Мы направились къ нимъ. Приблизившись къ берегу, мы бросили якорь, опустили паруса и съѣхали на берегъ. Первою моею заботой было узнать, какая то была страна. Въ то время,

*) *Марс* — площадка у вершины мачты.

какъ мои спутники разсѣялись по берегу, я съ помощью астрономическихъ инструментовъ старался точно опредѣлить, въ какой части свѣта и гдѣ именно мы находились. Снявъ съ помощью астролябіи высоту солнца и сдѣлавъ измѣренія по картѣ, я пришелъ къ тому заключенію, что мы миновали тропикъ Козерога и находимся между нимъ и южнымъ полюсомъ, въ странахъ міра, наименѣе извѣстныхъ *).

Вскорѣ возвратились нѣкоторые изъ моихъ спутниковъ. Они привели съ собою одного туземца, котораго взяли силою на горѣ, гдѣ онъ собиралъ медовые соты. Онъ, казалось, былъ сильно испуганъ и чрезмѣрно удивленъ, видя себя среди насъ. Онъ былъ черенъ какъ уголь, съ свирѣпымъ лицомъ и совершенно нагой. Мы не понимали его дикой рѣчи,—онъ не понималъ нашего языка. Я предлагалъ ему золото, серебро, пряности; но онъ не обращалъ на все это никакого вниманія. Тогда я велѣлъ показать ему нѣкоторые европейскія издѣлія: колокольчики, стеклянные бусы, красную шапку,—и онъ различными тѣлодвиженіями далъ понять, что эти вещицы ему очень нравятся. Подаривъ ему нѣкоторые изъ нихъ, я отпустилъ его на свободу. На другой день нѣсколько дикихъ, такихъ же черныхъ и совершенно нагихъ какъ и первый, спустились съ горы и при-

*) То была бухта св. Елены.

близились къ намъ, желая получить такіе же предметы, какими былъ одаренъ ихъ соотечественникъ. Вскорѣ они съ нами настолько освоились и стали такъ дружелюбно къ намъ относиться, что Фернандъ Велозъ, нашъ молодой морякъ, изъявилъ желаніе идти съ ними въ горы, чтобы посмотрѣть на ихъ жилища и познакомиться съ ихъ бытомъ. Онъ не имѣлъ причинъ къ опасенію, въ противномъ же случаѣ надѣялся на крѣпость своихъ мышцъ.

Мы потеряли его уже изъ виду и занялись каждый своимъ дѣломъ, когда я, взглянувъ въ ту сторону, куда направился онъ съ дикарями, увидѣлъ его стремительно бѣгущаго съ горы къ морю. Немедленно отрядилъ я къ берегу одну лодку. Изъ всѣхъ силъ налегали мы на весла, спѣша къ нему на помощь. Но Велозъ не успѣлъ еще добѣжать до берега, когда преслѣдовавшіе его дикари окружили его. Тучи стрѣлъ полетѣли въ насъ, и нѣкоторыя достигали своей цѣли, — я самъ былъ раненъ въ ногу. Мы отвѣчали имъ стрѣльбою изъ нашихъ огнестрѣльныхъ орудій и наконецъ освободили Велоза. Негодуя за вѣроломство дикарей, возвратились мы на корабли и тотчасъ же покинули эти негостепріимные берега, не получивъ никакихъ свѣдѣній о странѣ, которую искали.

Товарищи Велоза посмѣивались надъ нимъ.

— Не правда ли, Велозъ, говорили они, — съ

этой горы удобнѣе спускаться, чѣмъ подниматься на нее.

— Правда! отвѣчалъ находчивый юноша, смѣясь вмѣстѣ съ ними, — я возвратился нѣсколько скорѣе обыкновеннаго; но причиной тому была мысль, что вы остались одни.

Велозъ разсказалъ, что дикари, какъ только выступъ горы скрылъ его отъ насъ, угрожающими жестами воспретили ему итти дальше и принудили повернуть обратно. Когда онъ отошелъ отъ нихъ на небольшое разстояніе, нѣкоторые изъ нихъ бросились за нимъ, а другіе спрятались за холмъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ напасть на насъ, если бы мы вздумали оказать ему помощь. Все произошло, вѣроятно, оттого, что дикарямъ такъ понравились наши подарки, что они пожелали, освободившись отъ насъ, сдѣлаться хозяевами нашихъ кораблей и ихъ груза.

Прошло пять дней съ тѣхъ поръ, какъ мы покинули берега вѣроломныхъ дикарей. Погоняемые благопріятнымъ вѣтромъ, наши корабли горделиво разсѣкали волны. На шестой день мы увидѣли большой мысъ *) и, объѣхавши его, направились вдоль береговъ, въ восточномъ направленіи, и вскорѣ въ третій разъ высадились на землю. Жители этой страны оказались добродушнѣе встрѣченныхъ нами раньше. Они, замѣтя насъ, приѣзжали къ намъ на

*) Мысъ Буръ, переименованный въ мысъ Доброй Надежды.

песчаный берегъ съ плясками и другими изъясвленіями радости и пригнали съ собою стада, вскормленные, повидимому, на хорошихъ пастбищахъ. Загорѣвшія отъ солнца жены дикарей сидѣли на воллахъ и пѣли пѣсни подъ звуки полевой свирѣли. Мы получили здѣсь нужные намъ съѣстные припасы и, въ свою очередь, подарили дикарямъ понравившіеся имъ вещи и товары. Но, не получивъ отъ нихъ никакихъ объясненій о странѣ, которую мы искали, мы должны были вытащить изъ воды якоря и направиться дальше.

Не малое уже время плыли мы подлѣ африканскихъ береговъ, направляясь снова къ знойному экватору, который нужно было вторично пересѣчь. Позади насъ остался тотъ маленькій островъ, къ которому раньше насъ приставалъ другой флотъ *); но тотъ флотъ, открывши Мысъ Буръ, возвратился обратно въ Европу, — а мы, воодушевляемые надеждою, продолжали пролагать по волнамъ новый путь, то обуреваемые сильными непогодами, то задерживаемые безвѣтріемъ. Потомъ повѣялъ попутный вѣтеръ; но сильное теченіе вступило съ нимъ въ споръ и долгое время задерживало наши корабли. Наконецъ вѣтеръ, какъ бы негодуя на оказываемое ему сопротивленіе, подулъ съ такою силой, что преодолѣлъ всѣ препятствія.

*) Флотъ подъ начальствомъ Вареоломея Діаса.

Наступалъ великій для христіанъ день Рождества Христова, и я рѣшилъ на время праздниковъ выйти на берегъ. На берегу, который мы назвали Рождественскимъ, мы нашли гостепріимныхъ жителей. Они снабдили насъ провизіей, а изъ рѣки мы запаслись свѣжею водою; но о предметъ нашего путешествія мы и здѣсь не могли ничего узнать, такъ какъ жители не понимали нашего языка.

Подумай, государь, какъ сильно должно было быть наше нетерпѣніе: мысли наши постоянно были заняты однимъ предметомъ — Индіей, а между тѣмъ на всемъ громадномъ пространствѣ, которое мы прошли, вездѣ встрѣчались намъ грубые, непросвѣщенные народы, которые ничѣмъ не могли намъ помочь въ отысканіи ея? Подумай, какъ велико должно было быть наше огорченіе, когда мы, безпрестанно страдая отъ голода, жажды, трудовъ, опасностей плаванія, знойнаго непривычнаго климата, все-таки видѣли, что всѣ усилія наши бесполезны? Къ тому же и силы наши ослабѣли, и самая надежда болѣе не подкрѣпляла насъ. Лишь привязанность къ своимъ обязанностямъ и повиновеніе волѣ государя могли еще ободрять насъ.

Покинувъ Рождественскій берегъ, мы, боясь быть вовлеченными въ быстрое теченіе, отошли далеко отъ берега, отъ времени до времени приближаясь къ нему въ надеждѣ на какое-нибудь счастливое откры-

тіе. И вотъ однажды на рѣкѣ, впадающей въ море, увидѣли мы суда съ распущенными парусами. Это зрѣлище наполнило радостью наши сердца: наконецъ-то нашли мы народъ, занимающійся мореплаваніемъ, и надѣялись получить здѣсь какія-либо свѣдѣнія о предметѣ нашихъ поисковъ. Эта страна населена неграми, ведущими торговлю съ народами, болѣе ихъ образованными. Они носятъ чалмы изъ тонкой бумажной ткани и опоясываются тканію же голубого цвѣта; языкъ, на которомъ они говорятъ—испорченный арабскій, который нашъ переводчикъ, донъ Фернандъ, хорошо знаетъ. Они повѣдали намъ, что ихъ море посѣщаютъ корабли, такіе же большіе, какъ наши; корабли эти приходятъ изъ восточной страны, гдѣ живетъ народъ съ цвѣтомъ лица, похожимъ на нашъ. Это извѣстіе доставило всѣмъ намъ большую радость. Рѣку, на берегахъ которой мы получили это извѣстіе, мы назвали Рѣкою Добрыхъ Предзнаменованій и на ея берегу поставили крестъ изъ числа тѣхъ, которые мы веземъ съ собою для обозначенія нашихъ открытій *). Тамъ же исправили мы наши корабли, повредившіеся отъ долгаго плаванія; жители усердно помогали намъ въ этихъ работахъ.

Но и эта первая наша радость омрачилась: сви-

*) Разумѣются „гербовые столбы“ съ крестомъ наверху, о которыхъ было говорено выше (см. стр. 18).

рѣпая цынготная болѣзнь, самая жестокая изъ всѣхъ, какія мнѣ доводилось видѣть, поразила многихъ изъ моихъ спутниковъ, и кости ихъ преданы землѣ въ далекой чужой сторонѣ... Эта болѣзнь ужасна: десны распухаютъ, надуваются, гниютъ и издають страшное зловоніе. Не зная, какія средства употреблять противъ этой болѣзни, больнымъ отрѣзали зараженные части; но и это не помогало, и смерть неизбѣжно поражала свои жертвы. Съ великою скорбью смотрѣли мы на умирающихъ страдальцевъ, которые раздѣляли съ нами труды нашего долговременнаго плаванія и вмѣстѣ съ нами подвергались опасностямъ, а слѣдовательно, должны были бы дожидаться и равной съ нами за все это награды... Ахъ! какъ легко находятъ свое послѣднее жилище останки смертныхъ. Морскія пучины, бесплодныя нѣдра земли безъ различія принимаютъ прахъ и знаменитаго героя и простого солдата...

Мы пустились въ море, унося отъ этихъ береговъ надежду и сокрушеніе. Не теряя изъ виду береговъ, мы наконецъ пристали къ Мозамбику. Тебѣ уже извѣстно, государь, о вѣроломствѣ какъ этого народа, такъ и жителей Момбаса. Но благодать Всемогущаго, приведя насъ въ страну, тебѣ повинующуюся, заставила насъ забыть всѣ наши бѣдствія.

Гама кончилъ свой разсказъ при глубокомъ безмолвіи со вниманіемъ слушавшихъ мелиндцевъ. Всѣ невольно останавливаютъ свои взоры на лицахъ отважныхъ мореходовъ и повторяютъ другъ другу тѣ мѣста разсказа, которыя ихъ наиболѣе поразили. Царь Мелинды превозноситъ мужество, отвагу, терпѣніе и вѣрность своему государю Гамы и его спутниковъ, и только когда лучезарное свѣтило стало погружаться въ морскія волны, онъ покинулъ португальцевъ и возвратился на берегъ, въ свой дворецъ.

Мелиндскій царь, проникнутый уваженіемъ къ могуществу португальскаго короля и его народа и желая пріобрѣсти ихъ дружбу, старался на каждомъ шагу доказывать морякамъ искренность своихъ добрыхъ къ нимъ чувствъ. Онъ глубоко сожалѣлъ, что Небо такъ удалило его отъ Европы и не поставило ближе къ Гибралтару. Въ Мелиндѣ въ честь португальцевъ одно празднество смѣнялось другимъ, пиры слѣдовали за пирами. Часто мелиндцы и португальцы забавлялись на берегу моря рыбною ловлею, соперничая одни съ другими въ ловкости.

Однако Гама видѣлъ, что долгое пребываніе въ Мелиндѣ заставитъ его потратить драгоценнѣйшее время, такъ какъ дулъ благопріятный вѣтеръ, которымъ нужно было пользоваться. Запасшись провизіей и получивъ искуснаго кормчаго, онъ простился съ мелиндскимъ государемъ. Прощаясь съ Гамой,

царь выразилъ надежду еще разъ увидѣть отважныхъ мореходовъ на обратномъ пути ихъ изъ Индіи и вообще высказалъ желаніе видѣть въ своихъ владѣніяхъ португальцевъ; при этомъ онъ поклялся, что всегда будетъ другомъ португальскому королю и всѣмъ его подданнымъ. Гама отвѣчалъ на эти увѣренія благодарностью, какой они были достойны. Послѣ этого онъ велѣлъ поднять паруса и въ сопровожденіи опытнаго и надежнаго кормчаго безъ боязни направилъ путь на востокъ.

Португальскіе корабли, погоняемые благопріятнымъ вѣтромъ, неслись на востокъ и были уже недалеко отъ конечной цѣли своего путешествія — Индіи. Но португальцамъ суждено было перенести еще одно испытаніе.

Надъ моремъ спустилась тихая ночь; нѣжное дыханіе вѣтра едва колебало морскую поверхность. На капитанскомъ кораблѣ первую смѣну часовыхъ заступила вторая. Моряковъ клонило ко сну; головы ихъ склонялись къ груди, глаза слипались, усталые члены просили отдыха.

— Чтобы отогнать неотвязный сонъ и сократить время, давайте рассказывать другъ другу разныя забавныя исторіи, предложилъ одинъ изъ нихъ, Леонардъ.

— Нѣтъ, возразилъ Велозъ, — въ нашемъ положеніи неприлично занимать себя забавными исторіями. Тѣмъ ли думать о забавахъ и весельи, ко-

торые обрекли себя на безчисленные труды морского странствованія? Намъ пристойнѣе говорить о знаменитыхъ дѣяніяхъ, взятыхъ изъ нашихъ древнихъ лѣтописей и способныхъ возбудить наше мужество, потому что, если вѣрить моимъ предчувствіямъ, наши труды еще не скоро окончатся.

Всѣ согласились съ этимъ и просили самого Велоза рассказать имъ то, что придетъ ему на мысль.

— Не сказки буду я вамъ передавать, отвѣчалъ онъ,— а приведу на память славу нашихъ соотечественниковъ и имена нашихъ героевъ.

И Велозъ началъ рассказъ объ одномъ историческомъ событіи, дорогомъ сердцу каждого португальца, любящаго отечество и его былое. Но внезапно рассказъ Велоза былъ прерванъ испуганнымъ крикомъ кормчаго. Вѣтеръ начиналъ усиливаться. Кормчій велѣлъ опустить малые паруса.

— Видите ли ту мрачную тучу? говорилъ онъ:— она предвѣщаетъ приближеніе страшной бури.

И дѣйствительно, вѣтеръ вскорѣ сталъ дуть съ большою силою. Кормчій кричалъ, чтобы опустили большой парусъ; но матросы еще не успѣли исполнить этого приказанія, какъ онъ съ ужаснымъ трескомъ былъ уже разодранъ на части. Послышались отчаянные вопли; повсюду видны были ужасы и смятеніе. Корабль накренился на одинъ бокъ и зачерпнулъ бортомъ воды.

— Бросайте, раздается отчаянный крикъ кормчаго, — бросайте все въ море! Скорѣй къ насосамъ! выкачивайте воду!

Матросы хотятъ исполнить его приказаніе; но разъяренныя волны стремительно ударяють въ корабль, — корабль содрогнулся, матросы опрокинуты. Напрасно трое сильнѣйшихъ матросовъ, привязавъ къ рулю толстыя канаты, усиливаются повернуть его, — ни сила, ни искусство не помогаютъ. Вѣтеръ дулъ съ страшною силой, вздымая подобныя горамъ волны. Большой капитанскій корабль кажется маленькою лодкой. На корабль Павла де Гамы большая мачта сломана по серединѣ. Моряки, видя свою гибель, обращаютъ сердца свои къ Небу и тамъ ищутъ помощи и спасенія. Корабль Коэльо не менѣе страдалъ отъ ярости вѣтра и волнъ, хотя и имѣлъ предосторожность опустить паруса еще до наступленія свирѣпой бури. Казалось, что вѣтры со всѣхъ четырехъ странъ міра собрались вмѣстѣ, чтобы соединенными силами ускорить гибель португальцевъ. Небо и волны были покрыты непроницаемымъ мракомъ. По временамъ молніи освѣщали горизонтъ, и онъ казался тогда охваченнымъ пламенемъ.

Гама видѣлъ себя на краю гибели въ то самое время, когда думалъ достигнуть предѣла трудовъ своихъ. Всѣ силы человѣческія, все искусство казались уже безсильными и бесполезными.

— О Ты, молился онъ, — проведшій нѣкогда Израиля посреди пучины водъ! о Ты, спасшій отъ всемірнаго потопа вѣрнаго Ноя! за что Ты насъ оставляешь? Всѣ наши труды, всѣ подвиги не имѣютъ иной цѣли, кромѣ Твоего прославленія. Должно ли намъ лишиться плодовъ столь труднаго предпріятія въ то время, когда уже мы думали собирать ихъ? Какъ счастливы наши друзья, погибшіе на знойныхъ пескахъ Африки отъ оружія невѣрныхъ! — они положили жизнь за свое отечество, пролили кровь свою за вѣру отцовъ своихъ; ихъ имена вѣчно будутъ въ памяти ихъ соотечественниковъ, и великія награды ожидаютъ ихъ въ обителяхъ небесныхъ...

Всю ночь корабли бѣшено носились по волнамъ; моряки каждую минуту ожидали своей гибели. Между тѣмъ съ наступленіемъ утра вѣтеръ сталъ стихать и волны стали не такъ ужасны, — буря кончалась. Въ то время, когда восходящее свѣтило озарило вершины горъ, у подножія которыхъ протекаютъ воды Ганга, моряки увидѣли землю, и мелиндскій кормчій радостно воскликнулъ:

— Вотъ земля Каликутская! Вотъ страна, которую вы такъ долго искали! Если Индія цѣль вашихъ заботъ — веселитесь: онѣ уже окончились!

Гама въ святомъ восторгѣ упалъ на колѣна при этихъ словахъ и, поднявъ къ небесамъ руки, благодарилъ Творца за всѣ его благодѣянія. За нѣ-

сколько минутъ передъ тѣмъ онъ былъ объятъ ужасами смерти, — теперь онъ видитъ себя свободнымъ и здоровымъ и уже у береговъ желанной Индіи. Онъ былъ подобенъ человѣку, пробудившемуся послѣ страшнаго сновидѣнія.

Среди этихъ-то страха и надежды, чрезъ такія то многочисленныя бѣдствія и тягостные труды люди дѣлаютъ имена свои незабвенными. Если кто желаетъ славы, желаетъ заслужить имя великаго въ памяти потомства, тотъ не долженъ предаваться нѣгѣ на золоченомъ ложѣ, подъ драгоцѣнными сибирскими мѣхами, надѣясь на заслуги своихъ предковъ; тотъ не долженъ раздражать свой вкусъ изысканными кушаньями, не долженъ проводить жизнь въ ширешествахъ и пустыхъ утѣхахъ, — онъ долженъ знаменитыми дѣянїями прїобрѣтать величіе, которое тогда будетъ принадлежать лишь ему одному. Онъ долженъ безтрепетно идти противъ бурь и опасностей, сносить суровости непогодъ, питаться простою пищею, добытою своимъ собственнымъ тяжелымъ трудомъ, долженъ неустрашимо смотрѣть на всѣ угрозы несчастія и смерти, на кровь, раны и кровавую сѣчу. Черезъ это люди становятся владыками своихъ страстей и научаются презирать суетныя почести и богатства, которыя не что иное, какъ дары случая, а не награда за добродѣтели. И рано или поздно блестящія награды сами придутъ

искать этого достойнаго, который не гонялся за ними.

Приближаясь къ берегу, португальцы встрѣтили нѣсколько рыбацкихъ лодокъ; рыбаки указали имъ путь къ Каликуту, самому богатому и сильному городу на всемъ Малабарѣ. Это была столица самаго могущественнаго государя Малабара, носившаго титулъ «саморина».

Къ этому-то городу португальцы направили свои корабли и бросили якоря на почтительномъ разстояніи отъ берега. Гама тотчасъ же послалъ одного моряка на берегъ извѣстить саморина о прибытіи къ его берегамъ португальцевъ. Посланецъ скоро вѣзжалъ уже въ рѣку, которая мѣшаетъ свои воды съ водами моря. Цвѣтъ его лица и одежда, невиданные въ этихъ странахъ, привлекли къ берегу множество народа, тѣснившагося, чтобы взглянуть на невиданную диковину. Въ числѣ этихъ любопытныхъ находился одинъ мавръ, котораго судьба забросила изъ его отечества на сѣверо-западномъ берегу Африки въ эту далекую страну. Онъ зналъ португальцевъ, ихъ наружность и одежду, — можетъ-быть потому, что вслѣдствіе сосѣдства его отечества съ Португаліей онъ имѣлъ съ ними торговые сношенія, а можетъ-быть онъ былъ свидѣтелемъ ихъ блестящихъ подвиговъ въ Африкѣ. Лишь только узналъ онъ въ пріѣхавшемъ португальца, какъ съ радостью и изумленіемъ бросился къ нему навстрѣчу.

— Что привело тебя, спрашивалъ онъ по-испански, — въ эти далекія страны?

— Исполняя волю Небесъ, мы долго искали здѣшнихъ береговъ, пролагая себѣ путь по волнамъ неизмѣримыхъ морей, отвѣчалъ португалецъ.

Съ возрастающимъ удивленіемъ слушалъ Монзайдъ (такъ звали мавра) слова португальца. Узнавъ, что посланецъ имѣетъ приказаніе капитана явиться къ саморину, онъ сказалъ ему, что государя нѣтъ въ городѣ, но что онъ находится недалеко отъ Каликута, и пока народная молва донесетъ ему о прибытіи чужеземцевъ, что поразить его удивленіемъ, онъ предложилъ моряку отдохнуть въ своей хижинѣ и отвѣдать его простой пищи.

— А потомъ, прибавилъ Монзайдъ, — мы вмѣстѣ отправимся на ваши корабли. Нѣтъ ничего пріятнѣе встрѣчи со своими соотечественниками или сосѣдями гдѣ-нибудь въ чужомъ краю, вдали отъ родины.

Португалецъ охотно принялъ предложеніе Монзайда. Они сѣли за столъ въ хижинѣ мавра, какъ старинные друзья, и послѣ скромнаго угощенія вмѣстѣ отправились на лодкѣ къ португальскимъ кораблямъ. Устройство и величина ихъ не удивляли мавра, — онъ видалъ корабли португальцевъ и прежде. На капитанскомъ кораблѣ его встрѣтили съ радостью. Гама дружески обнялъ его, радуясь, что видитъ передъ собою чужестранца, владѣющаго понятнымъ

португальцамъ языкомъ. Онъ усадилъ его возлѣ себя и просилъ повѣдать о странѣ, у береговъ которой находятся его корабли, и о ея жителяхъ; моряки окружили ихъ тѣснымъ кольцомъ, готовясь со вниманіемъ слушать Монзайда.

— Великіе люди! началъ Монзайдъ, — какъ отважились вы пуститься въ такое путешествіе? Очевидно, самъ Богъ помогъ вамъ переплыть неизмѣримое пространство морей и спасъ васъ отъ свирѣлыхъ вѣтровъ и опасностей морского плаванія. Теперь вы находитесь въ Индіи, населенной богатыми и счастливыми народами; здѣсь вы въ изобиліи найдете сверкающіе драгоцѣнные камни, дорогія пряности и другія богатства щедрой природы. Страна, къ которой вы пристали, называется Малабаромъ; жители ея поклоняются идоламъ. Въ настоящее время Малабаръ находится подъ властью нѣсколькихъ царей, а прежде онъ имѣлъ одного повелителя. Самоза Перималъ былъ послѣдній, управлявшій этою страной во всей ея цѣлости. Въ его царствованіе какіе-то чужестранцы, прибывшіе на Малабаръ изъ Аравійскаго залива, принесли съ собою магометанскую вѣру, въ которой рожденъ и я. Ихъ ученіе такъ сильно повліяло на Перимала, что онъ рѣшился оставить престолъ и провести остатокъ своей жизни при гробѣ Магомета въ священномъ уединеніи и въ дѣлахъ милосердія. Свои несмѣтные сокровища онъ

нагрузилъ на корабли и отправилъ въ Мекку, гдѣ находится гробница пророка Магомета, а свое царство онъ раздѣлилъ между своими любимцами, которые изъ подданныхъ сдѣлались такимъ образомъ царями. Всѣ области были уже розданы Перималомъ, кромѣ города Каликута, и въ то уже время славившагося своими богатствами и торговлею, когда къ нему явился юноша, котораго онъ сильно любилъ; ему-то онъ и отдалъ Каликутъ вмѣстѣ съ титуломъ «саморина» и властью надъ прочими царями Малабара.— Вся одежда здѣшнихъ жителей состоитъ изъ одного лоскута какой-нибудь ткани, которымъ они прикрываютъ наготу свою отъ пояса. Народъ раздѣляется на два колѣна: одно состоитъ изъ благородныхъ, называемыхъ *найерами*, другое составляютъ простолюдины, называемые *полейцами*. Послѣдніе должны всегда оставаться въ томъ званіи, въ которомъ родились, и заниматься тѣми искусствами или ремеслами, которыми занимались ихъ отцы; они не могутъ также вступать въ бракъ съ женщинами, рожденными не въ ихъ званіи. Найеры имѣютъ къ нимъ такое презрѣніе, что считаютъ за безчестіе и за великое несчастіе, если къ нимъ прикоснется полеецъ, и если они не могутъ предохранить себя отъ этого, то очищаются омовеніемъ; въ этомъ они подобны древнимъ іудеямъ, которые остерегались прикосновенія самаритянъ. Вы увидите въ этой странѣ

и другіе, не менѣ странные обычаи. Только одни найеры имѣютъ право быть воинами, ихъ обязанность — оберегать царскую особу; поэтому они всегда имѣютъ щитъ на лѣвомъ плечѣ и обнаженный мечъ въ правой рукѣ. Священнослужители называются *браманами* и пользуются большимъ почитаніемъ; они считаютъ за грѣхъ употреблять мясо въ пищу; убить какое-нибудь живое существо, хотя бы самое ничтожное, по ихъ мнѣнію, преступленіе. Таковы нравы и обычаи малабарскихъ народовъ. Земля здѣсь необыкновенно плодородна; а къ богатствамъ, которыя даетъ она жителямъ, торговля прибавляетъ еще произведенія всѣхъ странъ, простирающихся отъ Нила до Китая.

Въ то время какъ Монзайдъ бесѣдовалъ съ Гамою, молва разнесла по всему Каликуту вѣсть о прибытіи португальцевъ. Какъ только эта вѣсть дошла до саморина, онъ немедленно послалъ знатнѣйшихъ своихъ вельможъ навстрѣчу начальнику чужеземцевъ. Гама, узнавъ, что ему позволено сойти на берегъ и представиться саморину, надѣлъ богатое платье и вошелъ съ нѣсколькими португальцами, составившими его свиту, въ лодку. Весла сильно и стройно разсѣкали воду, и лодка быстро приближалась къ берегу. Главнѣйшій вельможа саморина, называвшійся по-индійски *котвалемъ*, окруженный найерами, ожидалъ Гаму на берегу.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій котваль просилъ Гаму взойти въ богатый паланкинъ *), который рабы несли на плечахъ, а самъ взошелъ въ другой паланкинъ, и шествіе, замыкаемое португальцами, состоявшими свиту Гамы, направилось во дворецъ саморина. Гама и котваль въ пути бесѣдовали между собою при посредствѣ Монзайда, служившаго имъ переводчикомъ. Шествіе приближалось къ храму замѣчательной постройки. Ворота его были открыты. Котваль и Гама вышли изъ паланкиновъ и вступили въ храмъ. Взорамъ Гамы представились разные истуканы, вырѣзанные изъ дерева или изсѣченные изъ камня и изображавшіе боговъ этой страны; одинъ былъ съ рогами на головѣ, другой имѣлъ двойное лицо, у третьяго было множество рукъ, иные были съ песьими головами. Индійскій вельможа принесъ кумирамъ свое моленіе, и шествіе продолжало путь. Толпа народа съ каждымъ шагомъ возрастала, — каждому любопытно было посмотрѣть на невѣдомыхъ чужестранцевъ. Наконецъ приблизились ко дворцу саморина, расположенному среди прекрасныхъ, тѣнистыхъ садовъ.

Черезъ массивныя двери, украшенныя замѣчательною рѣзбой, португальцы съ котвалемъ вступили въ чертоги саморина. Въ великолѣпной залѣ могущественный малабарскій властитель ожидалъ Гаму.

*) Паланкинъ — особаго рода носилки, въ которыхъ въ Индіи знатные люди совершаютъ прогулки и путешествія.

Съ величественнымъ и въ то же время небрежнымъ видомъ сидѣлъ онъ на дорогихъ подушкахъ. Золотая ткань составляла его одежду; на головѣ сіяло множество драгоценныхъ камней. Стоявшій подлѣ него важнаго вида старецъ время отъ времени подносилъ ему, преклоняя колѣни, листы бетеля (растеніе, которое индійцы любятъ постоянно жевать). Одинъ браманъ медленно приблизился къ Гамѣ и представилъ его саморину, который сдѣлалъ ему знакъ сѣсть подлѣ него; остальные португальцы стали въ нѣкоторомъ отдаленіи. Саморинъ устремлялъ любопытные взоры на португальцевъ, ихъ лица и одежду, — онъ никогда не видѣлъ ничего подобнаго.

Послѣ нѣкотораго молчанія Гама съ скромною важною обратился къ саморину съ слѣдующими словами:

— Великій монархъ западныхъ странъ, извѣщенный молвою о достоинствахъ, которыми ты отличаешься между обладателями Индіи, хочетъ имѣть союзъ съ тобою. По его повелѣнію, я, переплывъ неизмѣримое пространство морей, отдѣляющее его государство отъ твоихъ владѣній, прихожу возвѣстить тебѣ, что царство его изобилуетъ произведеніями всякаго рода, которыя только могутъ доставлять страши отъ Таго до Нила и отъ холодныхъ сѣверныхъ странъ до знойныхъ полуденныхъ. Если ты, великій государь, будешь согласенъ мѣнять сокро-

вища твоего государства на его, то вы оба увеличите чрезъ то и вашу власть и ваши богатства. По заключеніи союза онъ будетъ почитать тебя своимъ братомъ, и если враги твои объявятъ тебѣ войну, онъ обѣщаетъ употребить для защиты тебя свое оружіе, войновъ и флотъ. О твоёмъ отвѣтѣ я долженъ донести моему государю.

Саморинъ отвѣчалъ, что ему лестно принимать посольство отъ государя такой далекой западной страны; но прежде, чѣмъ дать рѣшительный отвѣтъ, онъ хотѣлъ бы узнать мнѣніе своего совѣта о предложеніяхъ чужеземцевъ и узнать хорошенько, кто такіе царь и народъ, о которыхъ нынче онъ въ первый разъ слышитъ; чужеземцы же между тѣмъ могутъ отдохнуть отъ трудовъ, ими понесенныхъ.

Ночь въ это время спускалась на землю. По приказанію саморина, во дворцѣ котваля Гамѣ и его свитѣ было предложено великолѣпное угощеніе.

Исполняя повелѣніе саморина, котваль старался собрать точныя свѣдѣнія о португальцахъ, — онъ хотѣлъ знать, изъ какой они страны, какіе ихъ нравы, законы и вѣра, и лишь только первые лучи солнца озарили его покой, онъ велѣлъ призвать къ себѣ Монзайда. Горя нетерпѣніемъ, спрашиваетъ котваль Монзайда, извѣстенъ ли ему народъ португальскій и правда ли, что ихъ страна находится въ сосѣдствѣ съ его отечествомъ; онъ уговариваетъ мавра открыть

все, что ему известно о португальцахъ, увѣряя, что этимъ онъ окажетъ саморину важную услугу, которая, конечно, не останется безъ награды.

— Я не скрою отъ тебя ничего, что мнѣ известно, отвѣчалъ Монзайдъ. — Они обитаютъ въ части Испаніи, ближайшей къ Африкѣ и омываемой, также какъ и мое отечество, однѣми и тѣми же волнами *). Они слѣдуютъ закону Христа, рожденнаго отъ Дѣвы. Отъ нашихъ стариковъ я часто слыхалъ похвалу ихъ мужеству, которое сами мавры на себѣ испытывали. Никто не можетъ сказать, что они когда-либо были побѣждены своими врагами. Если то, что я сказалъ, не вполне удовлетворяетъ твое любопытство, спроси ихъ лично самъ; они враги всякой неправды — ложь и коварство никогда не оскверняютъ ихъ устъ. Иди осмотри ихъ флотъ, оружіе. Я увѣренъ, ты будешь въ восторгѣ отъ ихъ дружескаго отношенія и пріятной бесѣды.

Индійскій вельможа спѣшитъ провѣрить истину этихъ словъ и велитъ снарядить лодки, на которыхъ онъ съ Монзайдомъ и найерами отправляется къ португальскимъ кораблямъ.

На капитанскомъ кораблѣ пріѣхавшихъ встрѣтилъ Павелъ де Гама. Въ честь высокаго гостя на кораблѣ играла духовая музыка, и ея звуки сливались съ пушечною пальбой. Корабль украсился пурпуро-

*) Средиземнаго моря.

выми коврами и шелковыми знаменами, на которыхъ красками были изображены различные военные подвиги португальцевъ. Заинтересовавшись этими картинами, котваль пожелалъ получить объясненія ихъ; но Павелъ де Гама просить его сначала сѣсть за столъ и предлагаетъ гостю приготовленные для него яства и вина. Отъ угощенія однако котваль отказался, такъ какъ законъ его вѣры запрещалъ вкушать пищу вмѣстѣ съ иновѣрцами. Онъ внимательно осматривалъ корабль. Все обращало на себя его вниманіе; особенно же заинтересовали его изображенія на знаменахъ, и онъ всталъ, чтобы лучше разсмотрѣть ихъ. Съ нимъ вмѣстѣ встали Гама и Коэльо и втроемъ подошли къ знаменамъ. Павелъ де Гама постарался живымъ рассказомъ дополнить и разъяснить событія, изображенныя рукою искуснаго художника. Котваль внимательно слушалъ Гаму, и только, когда день началъ уже клониться къ вечеру, онъ въ сопровожденіи найеровъ отбылъ съ корабля.

Между тѣмъ саморинъ собралъ на совѣтъ волховъ своего государства и спрашивалъ ихъ о чужеземцахъ. Волхвы, послѣ совершенія своихъ суевѣрныхъ обрядовъ, предсказали ему, что его царство подпадетъ подъ иго этихъ чужеземцевъ и уже никогда отъ него не освободится.

Въ то же время не дремали и аравійскіе купцы.

Они понимали, что съ появленіемъ въ Индіи европейцевъ, они должны будутъ дѣлиться съ ними выгодами торговли Индіи съ Европой, тогда какъ эта выгода до сего времени принадлежала однимъ имъ и обогащала лишь ихъ. Къ тому же пришельцы были христіане, слѣдовательно враги магометанской вѣры. Все это приводило въ сильное смущеніе купцовъ-магометанъ. Духовный глава магометанъ собралъ своихъ наиболѣе вліятельныхъ единовѣрцевъ и толковалъ имъ, какихъ враговъ приобрѣтають всѣ они въ лицѣ пришельцевъ и какой опасности подвергнутся, если не противопоставятъ имъ всевозможныхъ препятствій и не помѣшаютъ имъ завязать съ Индіей прямыя торговыя сношенія.

— Пока, заключилъ онъ свои наставленія, — они слабы и малочисленны, съ ними еще можно бороться и побѣдить. Когда только первые лучи солнца освѣщаютъ горизонтъ, на нихъ еще можно глядѣть безъ опасности для зрѣнія; но когда солнце взойдетъ на полуденную высоту свою въ полномъ сіяніи, тогда горе тому, кто отважится устремить на него свои взоры: мгновенною тьмою покроются его слабыя очи.

Долго толковало это собраніе. Множество мнѣній было высказано о томъ, какъ вѣрнѣе освободиться отъ незваныхъ гостей. Предлагались различныя коварства и вѣроломства; наконецъ всѣ пришли къ тому заключенію, что вѣрнѣйшее средство изба-

виться отъ португальцевъ — это закупить перваго вельможу саморина.

Въ заботахъ о гибели португальцевъ магометане не жалбуютъ ни золота, ни драгоценныхъ подарковъ для котваля и другихъ вельможъ, стараясь въ то же время убѣдить ихъ въ томъ, что португальцы — люди опасные, беспокойные, жадные до золота, скитающіеся по морямъ единственно съ цѣлью грабежей и разбоевъ, что это люди, не признающіе никакихъ законовъ — ни божескихъ, ни человѣческихъ — и не задумывающіеся ни предъ какими коварствами.

Вельможи саморина, закупленные дарами мавровъ, разными хитростями удерживали отвѣтъ своего государя португальцамъ и въ то же время возстанавливали его противъ нихъ.

Гама, ничего не подозрѣвая, не вѣдая умышляемыхъ противъ него козней, думалъ лишь о томъ, какъ бы скорѣе сообщить своему государю вѣрныя свѣдѣнія о пути въ Индію. Онъ былъ увѣренъ, что, коль скоро король Эммануилъ узнаетъ объ успѣхѣ его путешествія, онъ немедленно пошлетъ въ Индію корабли и войска для утвержденія въ ней своего владычества. Задача же Гамы была окончена — путь въ Индію найденъ, и этого было совершенно достаточно для прославленія его имени. Нетерпѣливо ожидая отвѣта саморина, онъ началъ замѣчать, что отвѣтъ

этотъ нарочно оттягиваютъ и откладываютъ на неопредѣленное время.

Саморинъ же находился въ большомъ затрудненіи: съ одной стороны, невольно чувствуя довѣріе къ отважному начальнику португальскаго флота и его спутникамъ, онъ видѣлъ всѣ выгоды, которыя могъ бы имѣть отъ союза съ ихъ царемъ; съ другой стороны, находясь подъ впечатлѣніемъ предсказаній волхвовъ, онъ боялся этого союза. Наконецъ старанія закупленныхъ купцами вельможъ увѣнчались успѣхомъ: они убѣдили саморина въ томъ, что прибывшіе моряки — разбойники, никакого царя не имѣютъ и что все, о чемъ они ему говорили — ложь. Саморинъ велѣлъ призвать къ себѣ Гаму и обратился къ нему съ такими словами:

— Если ты будешь откровененъ со мною, то можешь быть увѣренъ въ моей милости. Мнѣ уже извѣстно, что все, что ты говорилъ мнѣ въ прошлый разъ будто бы отъ имени твоего царя — вымыслено и ложно. Я знаю, что ты не имѣешь ни царя, ни отечества и разбойничаешь по морямъ. И дѣйствительно, какойъ царь будетъ настолько безумень, чтобы посылать корабли въ такія отдаленныя страны путемъ опаснымъ и неизвѣстнымъ? Кромѣ того, если твой царь обладатель сильнаго и богатаго царства, — какіе дары ты мнѣ отъ него приносишь, которые могли бы утвердить меня въ

истинѣ твоего посольства? *) Не чрезъ великолѣпные ли дары, достойные престола, государи подтверждаютъ свои договоры и союзы? Слова же скитающагося по морямъ пришельца не могутъ быть для того достаточнымъ доказательствомъ. Если ты несправедливо изгнанъ изъ твоего отечества,—ты будешь принять въ моемъ царствѣ: справедливость требуетъ, чтобы храбрые люди повсюду находили себѣ отечество. Если ты привыкъ къ разбою,—признайся мнѣ, не опасаясь ни смерти, ни безчестія: храбрость твоя можетъ быть мнѣ полезна.

— Государи! отвѣтилъ съ видомъ оскорбленнаго достоинства Гама,—если бы ложь и обманъ не свили себѣ постоянного гнѣзда въ сердцахъ вѣроломныхъ магометанъ, которые во зло употребляютъ твое довѣріе, ты не могъ бы имѣть столь несправедливыхъ и обидныхъ для насъ подозрѣній. Но ихъ не трудно разсѣять. Ты сомнѣваешься, дѣйствительно ли я посланъ къ тебѣ отъ моего государя съ предложеніемъ союза,—но если бы я былъ морской разбойникъ или несчастный изгнанникъ изъ своего отечества, то

*) Гама поднесъ саморину дары, которые состояли изъ плащей алаго цвѣта, изъ шлемовъ, украшенныхъ перьями, коралловыхъ ожерелій, мѣди, сахара, деревяннаго масла и меда. Такіе подарки не могли ослѣпить обладателя жемчуга, алмазовъ и т. п. и внушить ему высокое мнѣніе о португальскомъ королѣ. Было большою ошибкой со стороны португальцевъ не позаботиться о болѣе цѣнныхъ для повелителя Малабара подаркахъ, и ошибка эта имѣла важныя для португальцевъ послѣдствія.

что же заставило бы меня прийти сюда изъ такой дали? какія выгоды могли бы побудить меня съ терпѣніемъ перенести столько трудовъ и опасностей? Ты хочешь, чтобы великолѣпные дары были подтвержденіемъ истины моего посольства, — но единственная цѣль моего путешествія была — открытіе пути въ эту страну; сомнительно еще было, достигну ли я ея. Счастливая судьба позволила мнѣ узнать берега твоихъ владѣній, и если счастье не перестанетъ мнѣ благопріятствовать и позволить возвратиться въ мое отечество, то ты увидишь меня возвратившимся въ твое царство съ дарами, достойными моего государя и тебя, — они подтвердятъ истину моихъ словъ. Ты удивляешься, что мой государь изъ далекой Португаліи прислалъ меня къ тебѣ? — понимаю твое удивленіе: предпріятіе дѣйствительно необыкновенное. Но нужно знать португальцевъ, чтобы понять, что можетъ совершить ихъ мужество. Преодолѣвши бури и многія опасности, мы наконецъ достигли твоего царства — предѣла нашего путешествія, и мы отъ тебя ничего болѣе не требуемъ, какъ только засвидѣтельствованія успѣха нашего предпріятія. Такова, государь, истина, скрывать которую я не имѣю нужды. Я не съ тѣмъ прибылъ къ твоему двору, чтобы обмануть тебя, — безопасности разбойники ищутъ въ моряхъ, а не въ царскихъ чертогахъ. Если ты почтешь меня хотя

небольшимъ довѣріемъ, не откажи удостоить меня твоимъ отвѣтомъ. Мои объясненія должны разогнать всѣ тучи, которыми стараются затмить отъ очей твоихъ истину; не трудно отличить правду отъ лжи, и я надѣюсь, что ты недолго будешь лишать меня удовольствія снова увидѣть мое отечество.

Саморинъ внимательно глядѣлъ въ лицо Гамы. Его лицо, дышащее благородствомъ и правдивостью, его воодушевленная рѣчь разогнали подозрѣнія царя; онъ сталъ вѣрить, что вельможи его обманулись и что португальцы — люди, достойные довѣрія. Онъ отпустилъ Гаму на корабли и дозволилъ ему выгрузить португальскіе товары для обмѣна на индійскіе.

Гама, простившись съ самориномъ, направился къ котвалю, и такъ какъ португальскіе корабли стояли далеко отъ берега, то онъ просилъ котваля дать ему лодку. Но коварный вельможа выдумывалъ разныя препятствія, мѣшающія будто бы дать капитану лодку, и наконецъ объявилъ, что не можетъ дать ее раньше солнечнаго восхода слѣдующаго дня. Напрасно Гама напоминалъ ему о повелѣніи саморина, — котваля оставался непреклоннымъ. Подкупленный маврами, онъ рѣшился исполнить ихъ ужасное намѣреніе — истребить португальцевъ всѣхъ до единого и сжечь ихъ корабли.

На крики и жалобы капитана, онъ предложилъ Гамѣ отдать приказаніе своимъ спутникамъ прибли-

зять корабли къ берегу и согласился дать для отнесенія такого приказанія лодку.

— Только морскіе разбойники, говорилъ онъ, — держать свой флотъ въ открытомъ морѣ, вдали отъ берега; такое чрезмѣрное недовѣріе показываетъ злыя ваши намѣренія.

Но Гама чувствовалъ, какое коварство скрывается за этими хитрыми словами; онъ понималъ, что если корабли приблизятся къ берегу, они подвергнутся большой опасности; въ то же время онъ изыскивалъ въ своемъ умѣ средства, чтобы выйти изъ того опаснаго положенія, въ которомъ онъ очутился. Подобно тому, какъ свѣтлое пятно, отраженное лучами солнца отъ куска гладкой стали или зеркала, находящихся въ рукахъ играющаго ребенка, мѣняетъ свое положеніе, то скользя по стѣнѣ, то мгновенно взбѣгая на кровлю дома, то мечась изъ стороны въ сторону, такъ мѣнялись намѣренія Гамы. Наконецъ онъ вспомнилъ, что велѣлъ Коэльо приблизиться къ берегу и ожидать его тамъ, и нашелъ возможность передать ему приказаніе немедленно удалиться отъ берега и не сходить съ кораблей, принявъ всѣ мѣры предосторожности противъ коварныхъ замысловъ мавровъ.

Котваль же упорно отказывался возвратить свободу Гамѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не согласится отдать приказанія приблизиться кораблямъ къ берегу. Но Гама, презирая его угрозы, съ негодованіемъ отверг-

нулъ это предложеніе, — онъ рѣшился скорѣе терпѣть всякаго рода мученія, чѣмъ подвергнуть опасности флотъ своего государя, и заблаговременно обрекъ себя на все, чего можно было ожидать отъ суровыхъ и вѣроломныхъ враговъ. Цѣлую ночь и часть слѣдующаго дня провелъ онъ въ глубокомъ размышленіи, ища выхода изъ своего положенія; напрасно порывался онъ итти къ саморину, — многочисленная стража не пускала его. Наконецъ котваль, видя его непоколебимость и боясь навлечь на себя гнѣвъ саморина, если тотъ узнаетъ о задержаніи Гамы, предложилъ капитану отдать приказаніе выгружать товары и далъ для этого лодки. Гама написалъ приказъ своему брату, какъ того требовалъ котваль; съ этимъ приказомъ люди котваля отправились къ кораблямъ и возвратились съ грузомъ португальскихъ товаровъ и двумя португальцами — Діегомъ и Альваромъ, на которыхъ возложена была обязанность наблюдать за правильностью торговли.

Получивъ свободу, Гама, какъ только эги товары были на берегу, отправился на свой корабль, рѣшивъ не возвращаться уже болѣе на берегъ и не имѣть довѣрія къ словамъ закупленнаго маврами вельможи.

Діего и Альваръ долгое время оставались въ Каликутѣ. Торговля не шла, потому что мавры препятствовали распродажѣ товаровъ; теперъ желаніе ихъ заключалось въ томъ, чтобы задержать португаль-

цевъ на нѣкоторое время у береговъ Индіи, до прибытія изъ Джидды кораблей аравійскихъ купцовъ. Недалеко отъ берега Чермнаго моря, въ Аравіи, находится священный для магометанъ городъ Мекка. На западѣ отъ него, на берегу моря, лежитъ пристань Джидда; тамъ процвѣтала торговля и туда свозились товары Аравіи и береговъ Аравійскаго моря. Отъ этой-то пристани ежегодно отправлялись большіе флоты, которые доходили до береговъ Индіи и запасались на Малабарскомъ берегу драгоценными произведеніями этой страны. Мавры возлагали на эти огромные, крѣпкіе корабли большія надежды и не сомнѣвались въ томъ, что португальскій флотъ будетъ уничтоженъ ими.

Но Тотъ, Которому извѣстны всѣ сокровенныя тайны, Который все знаетъ и все можетъ, предназначилъ Монзайду быть избавителемъ португальцевъ отъ грозившей имъ опасности. Мавры, соединенные съ нимъ одною вѣрою, не имѣли къ нему недовѣрія и не скрывали отъ него своихъ намѣреній относительно португальцевъ. Монзайдъ же, привязавшійся къ португальцамъ и ихъ вождю и полюбившій ихъ, ужаснулся, узнавъ, какая участь готовится его друзьямъ. Онъ часто бывалъ на португальскихъ корабляхъ, не возбуждая этимъ ничьего подозрѣнія. Въ одно изъ такихъ посѣщеній онъ и повѣдалъ Гамъ, что малабарскіе мавры съ нетерпѣніемъ ожидаютъ

флота изъ Джидды, какъ орудія гибели португальцевъ; что флотъ этотъ хорошо вооруженъ и имѣетъ на своихъ корабляхъ большое число воиновъ, и что наконецъ Гама, имѣя корабли въ поврежденномъ состояніи, долженъ опасаться этихъ новыхъ враговъ, и будетъ всего лучше, если онъ постарается избѣжать встрѣчи съ ними.

Гама ничего болѣе не ожидалъ отъ саморина, который былъ опять на сторонѣ мавровъ; онъ тотчасъ же послалъ сказать Діего и Альвару, чтобы они возвратились на корабли, воспользовавшись темнотою ночи. Но въ городѣ распространился ложный слухъ о томъ, что аравійскіе корабли приближаются къ Индіи, поэтому за Діегомъ и Альваромъ особенно тщательно наблюдали, и имъ не было возможности бѣжать. Когда объ этомъ узналъ Гама, онъ насилію противопоставилъ насилію и въ свою очередь задержалъ на кораблѣ нѣсколькихъ богатыхъ и именитыхъ каликутскихъ купцовъ, которые привезли португальцамъ драгоцѣнные камни для продажи.

Узнавъ о такомъ несчастіи, знатнѣйшіе граждане поражены были скорбью. Португальцы между тѣмъ съ громкими криками уже вытаскивали канаты съ якорями и распускали паруса; не было сомнѣнія, что ихъ корабли собираются покинуть берега Индіи и захваченные купцы никогда больше не увидятъ своей родины. Жены и дѣти этихъ несчастныхъ со сле-

зами и воплями бросились къ саморину, умоляя его возвратитъ имъ ихъ мужей, ихъ отцовъ, и саморинъ принужденъ былъ возвратитъ свободу Діего и Альвару.

Когда они возвратились на корабль, португальцы тронулись въ обратный путь, провожаемые гнѣвными взорами каликутскихъ кунцовъ, скрежетавшихъ въ безсильной ярости зубами.

Гама, торжествуя, удалялся отъ Каликуты. Слава его открытія и подвиговъ сопутствовали ему. На корабляхъ онъ везъ богатые индійскіе товары — доказательство открытія Индіи. Успѣшнымъ окончаніемъ своего предпріятія онъ былъ обязанъ великодушному Монзайду. И Небо не оставило безъ награды благородные поступки мавра, — Оно разсѣяло заблужденія его юности и открыло его духовныя очи къ познанію предвѣчныхъ истинъ: онъ крестился.

III.

Второе и третье путешествіе Васко де Гамы въ Индію. — Послѣдующая судьба этой страны.

На обратномъ пути въ Африку португальскіе корабли были встрѣчены противнымъ вѣтромъ, который продержалъ ихъ въ Индійскомъ океанѣ, между Индіей и Африкой, цѣлыхъ три мѣсяца. Цынга снова сви-

рѣшествовала, и всего 7 или 8 матросовъ были въ состояніи отправлять службу на корабляхъ. Наконецъ попутный вѣтеръ подхватилъ корабли, и черезъ четыре недѣли—2-го февраля 1499 года—португалыцы были у береговъ Африки.

Отдохнувъ въ гостепріимной Мелиндѣ, они пустились дальше. Трудно представить, съ какою радостью и нетерпѣніемъ приближался Гама къ роднымъ берегамъ послѣ долгой разлуки. Но передъ самымъ концомъ плаванія Гаму постигло большое несчастье: его любимый братъ Павелъ, командовавшій вторымъ кораблемъ, опасно заболѣлъ и вскорѣ скончался на островѣ Терсейръ на рукахъ Васко де Гамы. Эта болѣзнь и смерть задержали Гаму въ пути, — онъ прибылъ въ Лиссабонъ лишь 29 августа 1499 г.

Въ Лиссабонъ возвратились лишь два корабля, съ 50-ю чел. команды. Третій корабль въ пути сѣлъ на мель, и, несмотря ни на какія усилія моряковъ, его не удалось стащить съ нея. Гама приказалъ перегрузить съ него товары на два другихъ корабля, а его сжечь.

За открытіе морского пути въ Индію король Эммануилъ возвелъ Гаму въ дворянство, назначилъ ему большую пенсію и далъ ему и его потомству гербъ; кромѣ того Гама получилъ титулъ «адмирала Индійскаго и Аравійскаго морей».

Такимъ образомъ путь въ Индію былъ найденъ.

Но правильныя торговыя сношенія съ нею завязать не удалось.

По прїѣздѣ въ Португалію Гама заявилъ, что если хотять прочно установить эти сношенія съ Индією, то вмѣстѣ съ мирнымъ купцомъ туда нужно послать и воина. Поэтому король Эммануилъ немедленно, въ 1500 году, послалъ въ Индію новый флотъ подъ начальствомъ Кабрала. Флотъ состоялъ изъ 13 кораблей и имѣлъ 1500 человекъ команды. Кабраль возвратился въ Лиссабонъ въ слѣдующемъ году. Но цѣль путешествія — завязать правильныя торговыя сношенія — не была достигнута: португальцы своимъ жестокимъ и неумѣлымъ обращеніемъ съ населеніемъ Индіи возбудили въ немъ большое неудовольствіе; дѣло дошло даже до того, что около 40 португальцевъ были убиты.

Послѣ этого, въ 1502 г., король снова послалъ флотъ въ Индію. Этотъ флотъ состоялъ уже изъ 20 кораблей, а командованіе имъ было поручено снова Васко де Гамѣ. Въ это свое второе путешествіе въ Индію Гама постарался прежде всего обезпечить португальцамъ безопасное плаваніе у восточныхъ береговъ Африки; съ нѣкоторыми государствами онъ заключилъ мирныя торговыя договоры, другихъ же заставилъ угрозами и силою подчиниться Португаліи. Прибывъ къ берегамъ Индіи, Гама жестоко отомстилъ за убійство португальцевъ и нагналъ ужасъ

на все побережье Малабара. Эта жестокость нѣсколько омрачаетъ славу великаго Гамы. Въ концѣ слѣдующаго года онъ возвратился въ Португалію на 13 корабляхъ съ богатымъ грузомъ, оставивъ въ Индіи семь остальныхъ кораблей и построивъ тамъ крѣпость.

Въ слѣдующіе годы владычество португальцевъ въ Индіи упрочилось, торговыя сношенія были поставлены твердо. Завоеванными землями управляли посылаемые королемъ изъ Португаліи вице-короли. Но эти вице-короли не заботились объ интересахъ государства, а думали лишь о своей собственной наживѣ; ихъ подчиненные подражали имъ и расхищали казну. Послѣ управленія пяти вице-королей въ португальскихъ владѣніяхъ Индіи царствовалъ полнѣйшій безпорядокъ. Тогда король Іоаннъ III для поправленія дѣла рѣшилъ послать въ Индію вновь честнаго, неподкупнаго, опытнаго Гаму.

Въ 1524 году Васко де Гама, въ званіи вице-короля, отправился изъ Португаліи на 13-ти корабляхъ въ третье свое путешествіе въ Индію, въ сопровожденіи двухъ своихъ сыновей. Недалеко отъ береговъ Индіи корабли были задержаны безвѣтріемъ; въ это время вдругъ, безъ всякой видимой причины—вѣроятно, вслѣдствіе подводнаго землетрясенія—море забушевало, и корабли заметались по волнамъ. Моряковъ обтялъ ужасъ; только Васко де Гама сохра-

нилъ невозмутимое спокойствіе и, обращаясь къ нимъ, сказалъ: «Чего вы испугались? Развѣ не видите, что море трепещетъ подъ своими повелителями? Оно признаетъ надъ собою наше владычество».

Среди кипучей дѣятельности въ Индіи на пользу отечества Гама заболѣлъ и скончался 24 декабря 1524 г. Въ 1538 г. его останки были перевезены въ Португалію. Въ настоящее время гробъ съ его прахомъ находится въ церкви Санта-Марія въ Белемѣ, по лѣвую руку гробницы короля Себастьяна, а по правую руку этой гробницы лежитъ прахъ Камоэнса, пѣвца «Лузіадъ».

Въ царствованіе короля Іоанна III-го (1521—1557) Португалія достигла блестящаго положенія: многочисленныя колоніи въ Индіи, Америкѣ, на островахъ Атлантическаго и Великаго океановъ, индійская торговля и торговля съ Китаемъ и Японіей приносили ей громаднѣйшіе доходы; большое войско, сильный флотъ дѣлали ее могущественною на сушѣ и на морѣ. Но чрезмѣрное богатство въ большинствѣ случаевъ, какъ отдѣльнымъ людямъ, такъ и цѣлымъ государствамъ, приноситъ вредъ. Богатства Португаліи порождали въ ней роскошь, роскошь развивала алчность къ деньгамъ, стремленіе къ легкой наживѣ,—португальцы теряли любовь къ труду. Многочисленныя колоніи отвлекали населеніе Португаліи въ далекія земли; земледѣліе и промышленность

падали. Кромѣ того, внутреннія неурядицы въ государствѣ ослабляли Португалію, и она близилась къ паденію.

Въ половинѣ XVII вѣка голландцы начали вытѣснять португальцевъ изъ Индіи; этому много помогало жестокое обращеніе португальцевъ съ туземными жителями, которые ненавидѣли ихъ. Въ концѣ концовъ голландцы сумѣли захватить индійскую торговлю въ свои руки.

Но голландцы, въ свою очередь, должны были уступить свое владычество въ Индіи англичанамъ, которые послѣ войны 1812 г. совсѣмъ вытѣснили ихъ оттуда.

И по настоящее время Индія находится подъ владычествомъ англичанъ, хотя владычество это не особенно прочно. А открывшимъ ее португальцамъ тамъ принадлежитъ теперь одна маленькая колонія да два незначительныхъ городка. Такъ не прочна слава въ этомъ мірѣ.

Ив. М—въ.

~~8864~~

МАГАЗИНЪ КНИГЪ И УЧЕБНЫХЪ ПОСОВІЙ Н. Н. МОРЕВА

ПОДЪ ФИРМОЮ

Н. ФЕНУ и К^о.

Комиссіонера ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Техническаго Общества, Учрежденій ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ, ВЫСОЧАЙШЕ учрежденной Комиссіи народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ, ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ и Министерства Народнаго Просвѣщенія по снабженію наглядными учебными пособиями и училищною мебелью.

С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 90—92.

Отдѣлы магазина:

- 1) **Книжный.** (Всѣ издаваемые въ Россіи книги по цѣнамъ, объявленнымъ издателями: изящная литература, научныя сочиненія, учебныя и дѣтскія книги, а также дешевыя изданія для школъ и народа).
- 2) **Наглядныхъ пособій.** (Картины, атласы, глобусы, коллекціи, таблицы, приборы по физикѣ и химіи, модели и проч.).
- 3) **Писменныхъ, чертежныхъ и рисовальныхъ принадлежностей.** (Бумага, дешевыя тетради, карандаши, перья и проч.; готовальни, краски и пр.).
- 4) **Классной мебели.** (Парные и одиначные столы, классныя доски и проч. отъ самыхъ дешевыхъ цѣнъ. Приемъ заказовъ на классную мебель по умереннымъ цѣнамъ. Ремонтъ досокъ и проч.).

Волшебные фонари и картины къ нимъ.

Фонари лучшихъ заграничныхъ фирмъ отъ 40 руб. до 200 руб.; имѣются и на болѣе дешевую цѣну.

Картины въ 3 дюйма на стеклѣ: черныя по 55 коп. и раскрашенныя по 1 руб. 25 коп. Имѣются также картины особо художественной раскраски по 2 руб.

Подробный каталогъ волшебныхъ фонарей, картинъ и принадлежностей для устройства чтеній высылается фирмою Н. Фену и К^о по требованію бесплатно.

Вологод. губ. дор.
Библиотека. КОР-

Вологод. губ. дор.
Библиотека. КОР-

Листок срока возврата книг

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ**
указанного здесь срока

--	--

500.00

4-1

k/x